

АЗУКА ЛИОНЕРА
ПОЦЕЛУЙ
ЛЪДА
И СНЕГА

КОГДА ПОЦЕЛУЙ РАСТОПИТ
ТВОЕ ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ...

Ледяные короны

Азука Лионера

Поцелуй льда и снега

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Гем)-44

Лионера А.

Поцелуй льда и снега / А. Лионера — «Издательство АСТ»,
2021 — (Ледяные короны)

ISBN 978-5-17-139152-2

Когда правители Ледяного королевства Фриске решают выдать свою единственную дочь замуж за молодого короля Огненных земель, Давине, служанке принцессы, не остается ничего другого, как следовать за своей госпожой в чужие владения. Но на пути в новое будущее на них нападают воины земли. Давина выживает только благодаря помощи храброго бойца, которым является не кто иной, как Леандр, Первый рыцарь Огненного королевства. Им приходится объединиться, чтобы найти пропавшую принцессу, но поиски сближают их сильнее, чем они рассчитывали. Так сильно, что поцелуй пробуждает в Давине древние ледяные силы. Но не Леандр должен был использовать эту магию...

УДК 821.112.2-312.9

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-139152-2

© Лионера А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	43
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Азука Лионера Поцелуй льда и снега

Кулак врезается мне в лицо, и на мгновение я вижу мерцание звезд.

– Сконцентрируйся! – гремит голос тренера. – В настоящем бою ты был бы уже мертв.

Покачивая головой, я вытираю рот тыльной стороной ладони. К счастью, крови нет. Мама бы не обрадовалась, если бы мне выбили зуб. Затем я снова сосредоточиваюсь на своем оппоненте.

Не повезло же мне сражаться с принцем. Все в нашем отряде боятся вытянуть его в жеребьевке, но от этого никуда не денешься. Сегодня неудачником оказываюсь я.

Льет как из ведра, и тренировочная площадка все больше напоминает грязевую яму, что не улучшает моего настроения. Тем не менее я возвращаюсь на позицию, не обращая внимания на холодный ветер, который треплет промокшую рубашку, пронизывая до самых костей.

Принц практически на голову выше меня. До прошлого года он был одним из самых маленьких в нашей группе, а потом резко вытянулся. Мы буквально могли видеть, как он растет. Но он стал только выше, но не мощнее. Моя спина гораздо шире его, а руки сильнее. Если бы я захотел, то одним ударом мог бы выбить из него дух.

Как назло, мне это не позволено.

Никто не борется с принцем всерьез, потому что от этого зависят наши жизни.

Так что я стою, замерший под дождем, и позволяю себя избивать.

Я уже бесчисленное количество раз пытался объяснить нашему тренеру, что обучался как наездник, а не как боец в кулачных боях. К сожалению, он считает, что мы должны защищаться без оружия, если дело дойдет до драки.

Едва принц замахивается, чтобы нанести удар, я знаю наверняка, что на этот раз он целится мне в живот. У меня предостаточно времени, чтобы уклониться, но я только напрягаю мышцы.

Принц Эсмонд кривит рот и выдыхает. Надеюсь, теперь он ударит меня в лицо, тогда я смогу притвориться, что потерял сознание, и прекратить этот чертов фарс.

Вместо этого он кладет руку мне на плечо, притягивает ближе и бьет коленом между ног.

Яркие точки пляшут перед глазами, и, задохнувшись, я падаю. Мои товарищи, наблюдающие с края ринга, сочувственно шипят. С трудом поднимаю взгляд и вижу ехидную ухмылку Эсмонда. Это становится последней каплей. Я вскакиваю на ноги, не обращая внимания на боль внизу живота, и, забыв, кто передо мной, бросаюсь на него. Эсмонд, озадаченный такой переменой, реагирует слишком медленно. Я пробиваю его наспех выставленную защиту и наношу удар за ударом.

Уже после четвертого он падает на землю. Он лежит, вытянувшись во весь рост в грязи. Я смотрю на него сверху вниз.

– Ты прекрасно знаешь, что я не стал бы сопротивляться, – рычу я. – Почему дерешься так подло? Ты бы победил и так.

– Леандр, – предупреждающе рявкает тренер. – Ты говоришь с будущим королем.

Я кривлю рот.

– Помилуйте Огненные земли, если он станет королем.

Мои товарищи ахают, но никто не осмеливается упрекнуть меня. Мы все думаем одинаково. Эсмонд слишком мягок и легковверен, чтобы стать хорошим королем. Особенно в такие времена, когда земельцы постоянно нападают, грабят и убивают в приграничных областях, продолжая продвигаться вперед. Нам нужен сильный король, воин. Человек, за которым солдаты пойдут в бой, не задумываясь, что будет дальше. Но мальчик передо мной никогда не вырастет таким мужчиной, если с ним так и будут носиться как с писаной торбой.

Наш тренер первым берет себя в руки, бросается ко мне и хватает за воротник.

– Ты в своем уме, мальчик?

Я рывком освобождаюсь от его хватки.

– Это правда. Вам это известно, как и остальным. Из него никогда не выйдет короля, если мы изо дня в день так и будем без сопротивления позволять ему нас избивать.

– Если король узнает...

– Нет, – бормочет Эсмонд, поднимаясь на ноги. Грязь липнет к его брюкам и рубашке. – Мой отец ничего об этом не узнает.

– Но... – продолжает тренер.

Резким движением головы Эсмонд прерывает его и делает шаг ко мне. Я с изумлением смотрю на протянутую мне ладонь.

– Ты Леандр? – спрашивает он, когда я нерешительно беру его за руку. В любую секунду я ожидаю подлости. – Спасибо тебе.

– За что? – спрашиваю я.

– За то, что относишься ко мне как к одному из вас.

– Я... не понимаю.

– Я здесь для того, чтобы учиться, – отвечает Эсмонд. – При дворе Пламени меня окружают подхалимы и льстецы, исполняющие все мои желания. Никто мне ни в чем не отказывает. Но я не могу расти как личность, когда меня окружают подобные люди. Потому я и захотел принять участие в тренировках оруженосцев. Но до сих пор... – он беспомощно пожимает плечами, – я не стал одним из вас.

Я пытаюсь осознать его слова. Будучи сыном лорда, которому принадлежит небольшой, но прекрасный участок земли, я с малых лет играл с детьми из деревни. Я никогда не чувствовал себя изолированным. Вот почему мне сложно представить, как живет Эсмонд. Это жизнь без ограничений, где каждое его желание читается по глазам.

– Если ты хочешь быть одним из нас, ты должен пойти сегодня вечером в Браннвин, – говорю я, пожимая его руку. – После такой мокрой тренировки нам нужно съесть что-нибудь теплое.

На губах Эсмонда появляется осторожная улыбка.

– Я не против присоединиться к вам. Прости, что пнул тебя.

Я отмахиваюсь.

– Я забуду об этом, если вечером ты сможешь выпить больше меня пива.

– Договорились.

Тренер вздыхает.

– Вы, парни, слишком молоды для игр с выпивкой...

* * *

С тех пор Эсмонд стал одним из нас. Мы перестали видеть в нем принца. Он был простым тринадцатилетним, почти четырнадцатилетним, парнем, как и остальные, кто проходил обучение в оруженосцы, чтобы впоследствии стать рыцарем.

С каждым днем наша дружба становилась все крепче. Мы могли прочесть мысли друг друга, когда встречались взглядами, и стали непобедимой командой в тренировочных боях. Я всегда говорил правду, и Эсмонд был благодарен мне за это.

Когда его отец неожиданно умер и он в юном возрасте унаследовал корону, Эсмонд назначил меня и других парней из нашей группы своими ближайшими советниками.

Шли годы, большинство моих друзей отходили от дел, чтобы жениться и начать заботиться о своих имениях. Мы виделись только по особым случаям, и тогда мне приходилось выслушивать их насмешки. Хоть и высказывали они их из лучших побуждений.

– Леандр! – приветствует меня Бальдвин, когда наше подразделение собирается при дворе Пламени по случаю пятилетней годовщины коронации. Как обычно, он так энергично хлопает меня по спине, что я делаю шаг вперед. – Ты все еще крутишься здесь, при дворе?

Чувствую, как дрогнула моя фальшивая улыбка. Быстро хватаю кружку и оставляю его вопрос без ответа. Должно быть, до него дошли слухи.

– Ты знаешь Леандра, – к нам присоединяется Ансельм. – Поклонник лошадей до мозга костей. Женщина, которая хочет привлечь его внимание, должна приехать на белом коне.

– Хм-м, – бормочет Бальдвин. – В этом что-то есть.

Я опускаю пиво.

– Поищите кого-то еще, кого сможете изводить, – ворчу я. – Зал полон. Почему каждый раз ваша жертва – я?

– Потому что ты наилучший вариант, – усмехается Ансельм.

За эти годы он поправился на несколько килограммов. Я слышал, что его жена великолепно готовит. Не то чтобы я когда-то бывал у него. Тем не менее его озорная улыбка постоянно напоминает мне, сколько проблем у нас было из-за него. Девушки толпами бегали за ним, а нам приходилось его прятать. В то беззаботное время, когда мы еще были вместе.

Теперь у всех них своя жизнь – кроме меня.

– Кто-то должен позаботиться о короле, – бормочу я в свою кружку. – А поскольку вас больше нет здесь, эта задача возложена на меня.

Намекнув на их нечистую совесть, я избегаю дальнейших насмешек и надеюсь, что спокойно переживу остаток вечера.

– Ты уже видел его? – спрашивает Ансельм заговорщическим тоном. Видя мой вопросительный взгляд, он добавляет: – Портрет его невесты.

Я качаю головой.

– Эсмонд не показывал его никому, даже мне.

– Только я нахожу это странным? – интересуется Бальдвин.

Втайне я с ним согласен, но держу свое мнение при себе. Я последний друг Эсмонда здесь, при дворе. Благодаря ему у меня есть работа. Я не откажусь от этой привилегии так же легко, как мои товарищи.

Глава 1

Леандр

Примерно двумя годами позже...

Пол скользкий, мягкий от крови. Один неверный шаг, и я провалюсь в коварную грязь и глубины земли, из которых нет пути обратно. Медленная, бесславная смерть.

Я перестал считать, в скольких битвах сражался. Иногда одна следовала за другой, иногда между ними была пауза в несколько месяцев, в течение которых, однако, я не находил покоя, и дни плавно перетекали из одного в другой.

Мне говорят, что я должен радоваться, когда мне не нужно сражаться, что я должен наслаждаться жизнью. Но как это сделать, если каждый мой вдох кажется большой ошибкой? Если я чувствую вину перед всеми?

Может, на этот раз я обрету покой, которого ищу годами. Славная смерть в бою – вот чего я хочу. Меч в руке – одно целое с телом. Я повелеваю смертоносным оружием так, будто оно часть меня. Позади слышится топот бесчисленных копыт, я еду во главе отряда – как всегда. Моя верная кобыла Элора слепо подчиняется моим указаниям и без колебаний устремляется вперед. Немало земельцев попадают под ее копыта. Остальные знакомятся с моим мечом.

На протяжении многих лет мы, огненный народ, сражаемся против земляного. Даже старейшины не могут вспомнить причины, по которым началась война. Она все идет и идет. Никаких переговоров, никаких соглашений, никаких предложений мира. Ни одна из сторон не уступает другой. Какими бы выдающимися ни были наши победы, Земли продолжают сопротивляться. Даже сейчас отряд, который они послали к нам, смехотворно мал.

– Командир! – ревет, перекрывая шум боя, один из моих людей.

Я вытаскиваю меч из врага, достаточно глупого, чтобы решить сражаться со мной, и поворачиваюсь в том направлении, откуда раздался голос. Дико жестикулируя, солдат указывает на гребень холма у нас за спиной. На мгновение кровь застывает у меня в жилах. Этот ничтожный отряд был всего лишь диверсией! Позади нас ждут их основные силы.

– Соберитесь! – кричу я изо всех сил.

Всадники рядом со мной передают приказ остальным. Мои люди хорошо обучены. Они тут же реагируют. Мы выстраиваем новую линию атаки из конницы, прикрывая пеших солдат. Элора взволнованно бьет копытами, в то время как жеребец сбоку от нее танцует на месте.

Враги на гребне холма издают боевой клич, но не смеют приблизиться.

– Как только они спустятся с гребня, – рычу я, – мы загоним этих ублюдков обратно.

Солдаты мрачно кивают. Все мы знаем, что почва здесь может преподнести неприятные сюрпризы. Несколько раз мне приходилось наблюдать, как хорошие парни исчезали на своих лошадях в зыбучих песках или расщелинах скал, и больше их никто не видел.

– Лучники, – приказываю я. – Огонь!

Наши стрелы уверенно попадают в цель. Некоторые земельцы в панике скатываются с холма – и тут же их поглощает мягкая почва.

– Идиоты, – рычит всадник. – Думали, мы попадемся на эту древнюю уловку?

Скрытые ловушки земельцев – единственная причина, по которой мы до сих пор не захватили эту проклятую страну. В прошлом мы много бились и заплатили за это высокую цену. С тех пор мы сражаемся только в тех битвах, где под нашими ногами твердая земля.

Все больше и больше людей спускается с холма, избегая определенных участков.

– В атаку! – кричу я, когда наш противник добирается до подножия гребня.

Всадники кавалерии устремляются единой линией вперед, но я должен признать, что земельцы яростно бросаются на нас. Вместо того чтобы спастись бегством, они сталкиваются с нами, атакуют наших лошадей, сбивая на землю людей.

Не знаю, скольких я затоптал. Десять? Двадцать? Пятьдесят? Слишком много, чтобы запомнить их лица. Они сливаются друг с другом, а я действую автоматически. Размахиваюсь и колю мечом вражеские тела, направляя Элору прямо по упавшим земельцам.

Уже садится солнце, когда я вытаскиваю клинок из тела врага. Моя одежда покрыта грязью и кровью, и Элора испачкана по самое брюхо. Я едва справляюсь с тем, чтобы вложить оружие в ножны. Судорожные движения, руки еле шевелятся, я с трудом держусь в седле.

Я не присоединяюсь к победному крику моих людей. Смотрю на солнце, смотрю, как оно исчезает за гребнем холма.

Еще один день, который я пережил.

Еще одна ночь, которую я как-нибудь переживу. Я жив и все еще дышу, потому что смерть снова меня пощадила.

Но, в отличие от солдат, я не в восторге от этого.

Я оставляю их праздновать, а сам ухожу, чтобы помыться и почистить свою лошадь.

– Сколько битв нам еще предстоит выстоять, прежде чем все закончится? – бормочу я, обращаясь к Элоре.

Мы выиграли. Я могу сообщить моему королю и лучшему другу весть об очередной победе, но не чувствую никакой радости, только пустоту. Независимо от того, сколько земельцев я убью, моя жажда мести требует все больше. Возможно, мне повезет и в следующей битве я встречу равного противника, который избавит меня от страданий.

– Командир Леандр, – раздается за моей спиной.

Плавным движением я вытаскиваю меч из ножен и приставляю к горлу новоприбывшего. Солдат – молодой парнишка не старше шестнадцати – смотрит на меня широко открытыми от ужаса глазами.

– П-пожалуйста, простите меня, – бормочет он. – Я н-не хотел...

Я выдыхаю и убираю меч.

– В чем дело?

Он наблюдает за мной с безопасного расстояния.

– Мы... нашли следы.

– Следы?

Он кивает.

– Земельцы верхом. Они... пересекли границу.

Я извергаю проклятие и отворачиваюсь. Одной рукой поглаживая шею Элоры, я бормочу:

– Прости, моя девочка, но этой ночью мы не найдем сна.

Глава 2

Давина

Бежать! Продолжать бежать!

С каждым ударом сердце сильнее бьется о мои ребра, так что я боюсь следующего. Но еще больше я боюсь того, что будет, когда они схватят меня...

Фырманье их лошадей все ближе, а грубые выкрики приказов всадников звенят у меня в ушах.

Я заставляю себя двигаться дальше и, игнорируя возмущенные протесты тела после небольшого отдыха, начинаю бежать. Все глубже и глубже я забираюсь в незнакомый, заросший кустарником лес в надежде, что смогу скрыться от своих преследователей.

Неподалеку ветки с хрустом ломаются под весом лошади. Мое сердце на мгновение замирает, чтобы затем забиться с головокружительной скоростью. Я практически чувствую горячее дыхание на шее.

Я не смею обернуться и посмотреть, как близко на самом деле подобрались ко мне преследователи. Понятия не имею, сколько их, но слышу приказы, которые они время от времени выкрикивают лающими голосами. Язык земельцев звучит жестко и равнодушно, что идеально подходит этим низшим созданиям.

Кто-то хватается за волосы. В первый момент я надеюсь, что зацепилась за ветку, но потом кто-то тащит меня назад. Я кричу из-за паники. А еще от боли и ужаса. Спиной я врезаюсь в дерево, и это выбивает весь воздух из моих легких. Удар столь сильный, что, боюсь, я могла сломать что-то.

Темные точки мелькают перед глазами, и я зажмуриваюсь. Но я не должна сдаваться... Если не продолжу бежать, они достанут меня... В шоке я пытаюсь встать на ноги, но ничего не удается. Земля необычайно мягкая. Мои мышцы протестуют при любом, даже самом слабом, движении.

– Ты, наверно, думала, что сможешь сбежать от нас, – доносится до меня низкий мужской голос. Я слышу сильный земельский акцент, но мне трудно сфокусировать взгляд на говорящем. Все кажется таким размытым, будто я пытаюсь разглядеть дно озера сквозь толстый слой льда.

– Никому не сбежать от нас. Рассказывай, где она! И тогда, девочка, может быть, мы поощрим твою жизнь.

Я поднимаю голову. Даже от такого движения сквозь меня проносятся волны боли, но я сжимаю зубы, чтобы не произнести ни звука.

Мужчина сидит на огромном, угольно-черном боевом коне, который нервно бьет тяжелыми копытами. Сам человек не так впечатляет, как его скакун. Как большинство земельцев, он невысокого роста. Его ноги едва дотягиваются до стремян, и я не удивлюсь, если ему нужна лестница, чтобы вообще забраться в седло.

Мой взгляд мечется из стороны в сторону. Еще один воин, тоже верхом. А где остальные? Их было пятеро, если я не ошибаюсь.

Пятерых воинов хватило, чтобы прикончить нас одного за другим.

Мы чувствовали себя в безопасности, в конце концов, после двух недель путешествия мы почти достигли столицы. День, когда мы бы добрались туда, должен был стать радостным днем. Не для меня, а для других. Но я была бы счастлива за них и улыбалась.

Но теперь не осталось никого, кому я должна была улыбаться.

Воин упирается пятками в бока коня, так что тот делает шаг вперед. Я быстро подтягиваю ноги к груди и обхватываю их руками, чтобы не попасть под сокрушающие копыта.

– Я спрошу тебя еще раз, – рычит он, и его акцент становится отчетливее. – Где принцесса?

Я презрительно фыркаю.

– Вам нужна принцесса, а вы тратите свое время на меня? Откуда мне знать, где она? В последний раз я ее видела, когда вы напали на нас.

Крупница радости растворяется в панике, бушующей внутри меня. Она, должно быть, сбежала. Надеюсь, остальные не идут за ней по пятам...

Когда земелец заставляет коня подойти ближе ко мне, я вскакиваю на ноги и прижимаюсь спиной к стволу дерева. Взгляд, которым он окидывает меня, вызывает у меня тошноту. Я судорожно сглатываю, чтобы подавить поднимающийся к горлу желудочный сок.

– Наш король будет недоволен, если мы не приведем ему принцессу, как было приказано, – бормочет воин, видимо, собираясь с мыслями, в то время как его взгляд задерживается на моем лице.

Я вскидываю подбородок.

– У вас нет короля! Только выскочка, играющий в правителя.

Он приподнимает бровь.

– Опасные слова для такой красивой штучки, как ты.

– Я не боюсь тебя, – я вкладываю в эту ложь как можно больше уверенности.

– Нет? – От его улыбки у меня мурашки по коже. – Но ты должна. Наш король будет недоволен, но... думаю, я смогу успокоить его, если вместо этого приведу ему служанку из Ледяного королевства. Только мы должны заранее отрезать тебе язык, так как ты, очевидно, не можешь держать его в узде.

Я делаю вид, что неприкрытые угрозы не могут причинить мне вреда. Однако внутренне содрогаюсь от страха. Не нужно много воображения, чтобы представить, что со мной будет, едва я стану рабыней в Земном королевстве.

Я бросаю пронзительный взгляд на воина и его товарища, стоящего позади.

– Не смейте прикасаться ко мне, иначе...

– Иначе что? – усмехается первый. – Если бы ты была одной из волшебниц, ты бы уже давно заставила нас оледенеть. Нет, ты обычная служанка. И с сегодняшнего дня ты будешь служить нам.

Прежде чем успеваю прошипеть «Никогда!», я слышу топот копыт. Кровь у меня в жилах тут же замирает. Они, наверное, нашли их... а теперь догоняют своих товарищей. Я могла бы сбежать от одного. От двоих, возможно, с помощью богини. Но от троих или целого отряда? Исключено!

Я беспокоюсь оглядываюсь в поисках выхода. Но куда ни глянь, кругом незнакомый лес.

Лошадь и всадник приближаются. «Он один, – думаю я. – Значит, они ее все-таки не нашли? Или, может, она?..»

Всадник не снижает скорости даже после того, как видит нас. Вместо этого одним плавным движением вытаскивает меч. Я задерживаю дыхание. Такая реакция заставляет земельца повернуться. Он на мгновение замирает, а потом рычит своему товарищу что-то, чего я не понимаю.

Однако предупреждение доходит слишком поздно до второго земельца. Одним чистым ударом ему отсекает голову. Я зажмуриваюсь. Часть меня благодарна, что сраженный мужчина больше не может кричать. Сегодня я слышала слишком много предсмертных криков...

Когда меня грубо хватают за руку, я открываю глаза. Земелец выскользнул из седла, и теперь лезвие его меча приставлено к моей шее. Он обхватывает меня рукой, зажимая мне рот. От его близости и запаха влажной, затхлой земли и пота, который он источает, я почти задыхаюсь.

– Ни шагу ближе! – кричит он мужчине. – Или малышка будет дышать через дырку в горле!

Я бы с удовольствием рассмеялась. Как будто это остановит его! В конце концов, я ни разу в жизни не видела этого человека. Ему все равно, если я...

К моему удивлению, как истинный рыцарь, он выскальзывает из седла и кладет окровавленный меч на землю. После, подняв руки, отступает на два шага.

– Как ты можешь видеть, я безоружен, – говорит он. Его голос звучит одновременно мягко и грубо. – Отпусти девочку.

Воин издает хрюкающий звук.

– Забудь об этом! Она пойдет со мной. А теперь возвращайся туда, откуда пришел!

Мужчина вздыхает:

– Боюсь, это невозможно.

Я извиваюсь в хватке земельца, но тут же затихаю, когда он сильнее прижимает лезвие к моей шее, царапая кожу.

– Перестань набивать себе цену, девочка! – шепчет он мне на ухо. Ледяная дрожь пробегает по моему телу. – Тебе понравится у нас, обещаю.

«Вот уж точно нет!» – думаю я и резко запрокидываю голову. Рука земельца соскальзывает, и я кусаю его. Отвратительный привкус грязи и пота наполняет мой рот, но я сильнее вонзаю зубы в его кожу, пока он не начинает выть и не ослабляет хватку.

Я чувствую дуновение воздуха на лбу, за которым следует сдавленный звук. Мгновением позже земелец падает.

Когда я хочу повернуться, мужчина уже рядом, расправляет вокруг меня свой темно-красный плащ.

– Не смотри, – бормочет он, осторожно притягивая меня к себе.

Я вся дрожу и с благодарностью опираюсь на него, даже когда раздражающий внутренний голос ругает меня за это. В конце концов, я не знаю, не из тех ли он... Он мог бы...

Когда он мягко кладет руку мне на спину, я закрываю глаза и отдаюсь манящему теплу, источаемому его телом. «Только на минутку,» – говорю я себе. Чтобы снова набраться сил.

Только теперь, когда я могу успокоиться, я чувствую, насколько истощена. Мышцы ноют от бега. Порезы на руках и ногах, которые я получила в густом подлеске, пульсируют. У меня так болит спина, что я не могу стоять прямо. Я сильнее опираюсь на своего спасителя. Ведь он мой спаситель? Он помог мне. Но... почему?

– Все в порядке? – озабоченно спрашивает он некоторое время спустя. Я медленно поднимаю голову и заставляю себя открыть глаза. Он высокий. Это первое, что я замечаю, когда напряжение покидает меня. Я едва достаю до его подбородка. Мой взгляд скользит по четко очерченной челюсти. Он слегка сжал губы. Прямой нос, возможно, слишком широкий. Наконец я смотрю в его глаза.

Такого цвета я еще никогда не видела.

Во Фриске, стране, откуда я родом, у всех жителей яркий цвет глаз. Такой же, как у меня, синий, а также ярко-зеленый или насыщенный бирюзовый. Цвет – чистый, суровый и холодный, как наша страна.

Глаза мужчины – такое разнообразие оттенков, что я не могу их все назвать. Теплый коричневый цвет преобладает, но в нем встречаются вкрапления золота и зеленого. Радужная оболочка делается ярче ближе к зрачку, практически становясь золотой.

Он хмурится, пока я откровенно разглядываю его. Неохотно я отрываюсь от его глаз. У него темные волосы. Я не уверена, каштановые или все же черные. По бокам они короче, и отдельные пряди падают на лоб.

– С тобой все в порядке? – повторяет он предыдущий вопрос.

– Я... думаю, что да, – хриплю я. Язык не хочет подчиняться. – Ты... у тебя есть что-нибудь попить?

Очевидно, удивленный моим вопросом, он отпускает меня и подходит к своей лошади. Пока он роется в седельной сумке, я оглядываюсь через плечо. Позади меня лежит земелец. С кинжалом между глаз. Как ни странно, его смерть меня несколько не трогает.

В поле зрения появляется фляжка.

– Ты не должна смотреть, – упрекает меня мужчина.

Я пожимаю плечами и открываю флягу.

– Он не первый мертвец, которого я вижу сегодня, – бормочу я. Сделав глоток, кривлю рот. – Есть у тебя что-нибудь... покрепче воды?

Незнакомец удивленно распахивает глаза.

– Я... ну, ты знаешь... иначе мне не избавиться от ощущения вкуса его руки, – спешу объяснить я.

Отвратительное ощущение грязи, соединенное с металлическим привкусом крови, все еще липнет к моему небу. Незнакомец вынимает из сумки на поясе небольшую плоскую фляжку и после недолгих колебаний протягивает мне.

– Но только глоток, – бормочет он. – Довольно крепкое.

Я киваю и отпиваю горькое пойло. Понятия не имею, что это такое. Оно горит в горле, распалая огонь в моем животе. Кроме того, оно избавляет меня от отвратительного вкуса во рту. Я лишь слегка кривлюсь, когда протягиваю знакомцу фляжку.

Некоторое время мы нерешительно изучаем друг друга. Если бы он хотел навредить мне, у него уже было предостаточно возможностей. Тем не менее я остаюсь настороже. Меня все еще волнует вопрос – теперь, когда никто больше меня не преследует. Хотела бы вытеснить его из мыслей, но мне нужно знать.

– Ты... встретил других на пути сюда? – спрашиваю я.

– Других из Фриски? – бурчит он.

Я киваю.

– Нет. Я следил за отрядом земельцев и случайно наткнулся на тебя.

Он оглядывается, переводит взгляд с мужчины позади меня на другого, который лежит немного в стороне. Лошади исчезли, а я даже не заметила.

– Их было пятеро, – добавляю я.

– Семеро, – уточняет он. – Двоих я поймал, как только они перешли границу. Но остальные ускользнули от меня.

Его взгляд возвращается ко мне. Он осматривает меня с головы до ног. В отличие от того, как это делал земелец, меня его взгляд не смущает. В его взгляде нет блеска желания, кажется, он просто хочет разобраться в моем наряде. Знаю, даже без замечаний с его стороны, что это необычно – встретить молодую женщину в бриджах и рубашке, заправленной за пояс. Еще и без обуви.

– Что ты здесь делаешь? – наконец спрашивает он. – До ближайшего города несколько дней, а до столицы почти неделя. Пешком... – Его взгляд возвращается к моим грязным ногам, – ...на это может потребоваться две недели.

Внутренне я сжимаюсь от стыда. Ботинки, которые я взяла с собой, мне не подошли. Они были слишком большими, поэтому я решила путешествовать босиком. Так как все равно большую часть времени была верхом.

– Я... ехала в эскорте, – объясняю я. – На нас напали.

Он снова хмурится так, что между бровями пролегает глубокая складка.

– Эскорт. Из Фриски? – Он открывает рот. – Пожалуйста, не говори мне, что...

Я киваю.

– Я принадлежу к свите принцессы.

Застонав, он руками трет лицо.

– Принцесса Эйра должна приехать только в следующем месяце и совершенно другим маршрутом! Какого черта! Что побудило вас путешествовать так близко к границе земельцев?

Я пожимаю плечами.

– Я... не знаю... я просто...

Он прерывает меня резким взмахом руки.

– Можешь сказать, где на вас напали?

Я с трудом сглатываю, проходя мимо него и изучая лес вокруг. Я пришла оттуда. Или... оттуда? Мне все кажется одинаковым. Коричнево-зеленым, совсем не таким, как дома. Во время побега я столько раз меняла направление, что не могу сказать, откуда пришла.

Незнакомец верно истолковывает мои колебания.

– Значит, нет, – задумавшись, он стискивает зубы. – Может быть, я смогу пойти по их следу.

Продолжая говорить, он спешит к своей лошади, которая мирно щиплет траву, поднимаящуюся между опавшими листьями. Несмотря на спешку, его движения мощные и плавные одновременно. Никогда не видела, чтобы кто-нибудь двигался так, как он: будто хищник на охоте, которому прекрасно известно, что он находится на вершине пищевой цепи. Из-за того точного броска кинжала я подозреваю, что он солдат, но сила, которую он излучает, и уверенность, с которой двигается, не позволяют сделать иного вывода: он наверняка сражался во многих битвах. При этом я думаю, что ему не больше двадцати и...

Когда он кладет руки на седло и ставит ногу в стремя, мои мысли внезапно останавливаются.

– Эй! – кричу я. – Что... что насчет меня?

Он бросает на меня через плечо насмешливый взгляд.

– А что насчет тебя? Я спас тебе жизнь.

– Да, но я... – Я смотрю в землю, теребя подол рубашки. – Я не знаю, куда идти.

Я не должна ему доверять – в конце концов, я его совсем не знаю, – но у меня нет иного выхода. Если он прав и ближайшее поселение в нескольких днях пути, даже верхом... Кто знает, сколько земельцев еще бродит по этому лесу! Я не смогу противостоять им в одиночку. А в чужой стране без средств я далеко не уйду. У меня нет ничего, кроме того, что на мне.

Когда он снова поворачивается к лошади, я впадаю в панику.

– Ты спас меня только для того, чтобы оставить на произвол судьбы?

– Послушай, малышка, – ворчливо говорит он, поворачиваясь ко мне. – Я здесь только потому, что последовал за земельцами. То, что я нашел тебя, было чистой воды случайностью и не входило в планы. Я должен отправиться за теми, кто сбежал, чтобы они не проникли дальше в глубь страны. А еще я должен найти принцессу.

Я проглатываю самоуважение и разыгрываю последнюю карту, которая оставалась у меня на руках.

– Я умру здесь. И это будет твоя вина.

Я смотрю, как он стиснул зубы, и молюсь богине, чтобы мои выводы оказались верными. Я надеюсь, что он солдат Короля Огня и, следовательно, подчиняется кодексу чести, запрещающему ему оставлять беззащитную деву в беде.

Приложив максимум усилий, чтобы убить меня одним взглядом, он шумно выдыхает. От меня не укрывается даже игра света в его глазах, которые, кажется, сверкают от гнева.

– Радуйся, что я дал клятву, – рычит он. – Я выведу тебя из леса. Но если ты меня задержишь, я брошу тебя! У меня нет времени возиться с тобой. Так что поторопись!

Его слова задевают меня сильнее, чем следовало бы, но я воздерживаюсь от комментариев. Опустив голову и крепко сжав губы, я бросаюсь к нему, но игнорирую протянутую руку. И забираюсь в седло без его помощи, сев по-мужски, обхватив ногами лошадь. Та удивленно

поднимает голову, но, очевидно, приходит к выводу, что меня нечего бояться, и продолжает щипать траву. Я похлопываю ее по шее.

– Ты идешь или нет? – недовольно бурчу я, глядя на него, и встречаю удивленный взгляд. Чувство победы, усиливающееся с каждой секундой, пронзает меня, но тут же испаряется, когда я замечаю мрачное выражение его лица.

– Сядь немного ближе к шее, – ворчливо говорит он, прежде чем сесть в седло позади меня.

Я напрягаюсь, несмотря на протест измученных мышц. Когда я просила не оставлять меня, я не подумала, что лошадь-то всего одна. И что он будет сидеть у меня за спиной. Очень близко. Ближе, чем когда-либо был ко мне мужчина моего возраста.

Я читала об этом в многочисленных книгах замка Фриски. О странных чувствах, которые могут возникнуть от короткого прикосновения. О непривычном трепете в животе. О мыслях, которые никогда раньше не возникали в голове.

Мне нравились эти книги, я прочитала почти все в свободное время. Но сама никогда не ощущала ничего из того, что там было описано. Даже примерно.

Сейчас сквозь меня проносятся столько мыслей и ощущений, что я ни одной не могу уловить. С одной стороны, мне хочется немедленно слезть с лошади и установить между нами дистанцию. С другой стороны, я так измучена, что больше всего на свете мне хочется откинуться назад и уснуть.

Вместо этого я хватаюсь за луку седла и призываю себя собраться.

Это действует, но недолго, пока незнакомец не кладет руку на мой живот, а другой ловит поводья. Я чувствую каждое движение, даже самое легкое, его тела. Вдобавок его теплое дыхание ласкает мою шею.

Пришпорив лошадь, он пускает ее рысью.

– К счастью, эти идиоты не потрудились замести следы, – бормочет он, пока мы следуем тропой, оставленной земельцами.

Тяжелые копыта их лошадей глубоко проваливались в лесную почву, ломали ветки, так что мы быстрее, чем предполагалось, возвращаемся на дорогу. Мне немного стыдно, что я не заметила этого раньше. Даже такой человек, как я, не имеющий опыта в чтении следов, мог бы последовать за этими знаками, и мне не пришлось бы полагаться на помощь незнакомца. Но в этом случае я все же осталась бы одна в чужой стране.

Я рада, что теперь лошадь бежит по достаточно ровной земле и я больше не прижимаюсь к мужчине из-за каждой неровности дороги. Но я продолжаю отчетливо его чувствовать. Каждый вдох, каждое натяжение поводьев, каждое движение его ног, которыми он управляет лошастью. Он, должно быть, много тренировался с ней, я почти завидую тому, как хорошо они ладят. Он немного смещает вес, чтобы наклониться к следам на дороге. Я хватаю ртом воздух, когда он небрежно кладет руку мне на талию, чтобы удержать равновесие.

– Прошло совсем немного времени, как они здесь проехали, – бормочет он самому себе.

Кажется, я не достойна, чтобы со мной разговаривать. В другом случае я бы разозлилась на это, но теперь по-настоящему рада, что не стала открывать рот. Слишком сильно бьется сердце, так сильно, что я чувствую его где-то в районе шеи.

Незнакомец выпрямляется и убирает руку с моего живота. Прежде чем успеваю понять, должна ли вздохнуть с облегчением или разочарованием, меня закутывают в теплый кроваво-красный плащ. Сбитая с толку, я моргаю, глядя на этот странный предмет одежды.

– Ты дрожишь, – объясняет он.

Я судорожно сглатываю и не открываю рта, пока не могу снова на сто процентов доверять своему голосу.

– Я из Фриски, – бросаю я как можно равнодушнее. – То, что вы, пламенцы, называете холодным, – для нас самый теплый день за много лет.

Тем не менее я плотнее закутываюсь в плащ, тем самым надеясь скрыть от него свою дрожь, которая вызвана отнюдь не холодом. Я вдыхаю запахи: его кожи, лошади, свежего сена, леса – дикую смесь ароматов, которые липнут к плащу и только усиливают покалывание в моем животе.

Да что со мной не так?

Глава 3

Давина

Недалеко от того места, где мы вышли из леса, мы натываемся на эскорт из Фриски.

Или по крайней мере на то, что от него осталось.

Хотя солнце медленно садится и окрестности залиты сумеречным светом, я ясно вижу масштабы разрушений. Карета, рядом с которой я ехала несколько часов назад, полностью разбита, будто нападавшие колотили по ней топорами, чтобы забрать золотые украшения отделки. Сундуки взломаны, повсюду разбросана одежда. Среди всего хаоса лежат тела четырех наших солдат. Я никого из них толком не знала. Король предоставил их нам перед тем, как мы отправились в путь. Тем не менее я бормочу молитву богине за упокоение их душ, как и подобает.

– Тебя это не беспокоит?

Я поворачиваюсь, насколько это возможно в седле, и натываюсь на любопытный взгляд. Впервые его удивительные глаза горят не гневом, а неподдельным интересом.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

Он кивает на одного из убитых солдат.

– Мертвецы. Женщины, которых я знаю, упали бы в обморок при одном взгляде на них.

Я смотрю в том же направлении, что и он. Незнакомец прав, зрелище неприятное. Эта кровь... На самом деле я знаю много женщин моего возраста, которые не смогли бы смотреть, но я к ним не отношусь.

– Они были мне чужими, – говорю я, не отрывая взгляда от солдат. – Они погибли, желая защитить меня и остальных. Не вижу смысла падать в обморок из-за этого. Для них и того, что они совершили, это было бы оскорблением.

Поскольку он все еще должен мне ответ, я мысленно заканчиваю молитву богине и снова смотрю на него. Я замечаю намек на улыбку в уголках его рта, но она пропадает так же быстро, как и появляется. Но я уверена, что видела ее. Похоже, он все-таки умеет улыбаться. До сих пор я сомневалась в этом.

– Похоже, женщины Огненного королевства еще многому могут поучиться у вас, ледянец, – говорит он со своим обычным недовольным выражением лица, глядя мимо меня. – Или, быть может, то, что о вас говорят, верно.

– Что говорят? – спрашиваю я.

– Что женщины Ледяного королевства – холодные существа, в сердцах у которых нет тепла. Ни для живых, ни для мертвых.

Я молчу, потому что не знаю, что на это ответить. Он говорит правду, но тем не менее его слова сильно ранят меня. Такой он меня видит? Но это верно: в отличие от открытых женщин Огненного королевства мы кажемся совсем замкнутыми. Но это не значит, что мы эмоционально холодны.

Но я, должно быть, кажусь ему такой. До сих пор он относился ко мне не особенно дружелюбно, но это взаимно. Я хотя бы поблагодарила его за спасение? Без него меня бы похитили и продали в рабство – или того хуже. Я здесь только потому, что он решил помочь мне, а не оставил одну на произвол судьбы.

Может, мне стоит сделать первый шаг и попробовать быть немного добрее.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я.

Он поднимает бровь и сразу настораживается.

– Зачем тебе?

Я пожимаю плечами.

– Если мне придется молиться за тебя богине, я хочу знать, как тебя называть.

Он качает головой.

– Тебе не нужно будет молиться за меня, до такого не дойдет. В любом случае мы не собираемся проводить много времени вместе.

Я тут же напрягаюсь.

– Что ты имеешь в виду?

Его взгляд скользит по разрушенной карете.

– Принцессы нет среди погибших, так? Я должен выяснить, удалось ли ей сбежать или ее забрали. Как бы то ни было, я должен найти ее.

– Почему?

Он смотрит на меня так, будто всерьез сомневается в моем здравомыслии.

– Потому что она будущая королева этой земли, – отвечает он. – Моей задачей было встретить ее на границе и безопасно сопроводить в столицу, Браннвин. – Он сжимает руки в кулаки. – Почему она отправилась раньше? Я не понимаю...

Его задача. Значит, он, должно быть, один из ближайших доверенных Короля Огня! Может, даже один из его рыцарей, потому что никому другому король не поручил бы эту важную миссию. Даже во Фриске мы время от времени слышим рассказы о них. Четыре храбрых рыцаря, один сильнее и смелее другого. Высокопоставленные военачальники армии Огненного Короля. Любой из них играючи мог бы справиться с нашими ритари¹. Но сейчас на службе остались лишь некоторые из них. Скосив глаза, я наблюдаю, как он рассматривает следы, направляя лошадь к разрушенной карете. Он молод; ему слегка за двадцать, может, двадцать пять.

Примерно на три или четыре года старше меня. Всякий раз, когда о славных рыцарях Огненного Короля говорили в большом зале, я представляла себе пожилых опытных воинов, которые вели солдат в битву и одерживали одну сокрушительную победу за другой над земельцами.

– В любом случае, – бормочет он, глядя в сторону леса, куда ведут некоторые из следов, – я должен ее найти. И тебе пора слезать, малышка.

В панике я сильно, как могу, поворачиваюсь к нему.

– Что? Ты не можешь просто оставить меня!

Он смотрит на меня без малейшего следа эмоций на лице. Если он меня назвал холодной – он-то какой?

– Почему бы и нет? – интересуется он. – Я обещал вывести тебя из леса. Я это сделал. Даже довел до места, где ты потерялась. – Он оглядывается и в конце концов удовлетворенно кивает. – Мы находимся на одной из главных дорог. Рано или поздно кто-нибудь заберет тебя. Люди здесь всегда проезжают. Торговцы. Путники.

«Земельцы, которые хотят продать меня в рабство», – мысленно заканчиваю я, но прикусываю язык, чтобы не произнести это вслух. Если я настрою его против себя, он и правда оставит меня одну.

Острый страх ледяными когтями впивается в мое сердце. Я нервно глотаю.

– Но я... я не знаю... где я и куда мне идти.

Он глубоко вздыхает, видимо, раздраженный.

– Я тоже не могу взять тебя с собой. Если я буду преследовать земельцев, мне, возможно, придется красться. – На мгновение резкость в его взгляде исчезает, когда он смотрит на меня. Если бы я не знала лучше, то сказала бы, что в его глазах мерцает мягкий свет, когда его взгляд устремлен на мое лицо. Мое сердце сразу начинает сбиваться с ритма. – С тобой я не смогу это сделать. В лесу ты сияешь, как маяк.

Я знаю, что он имеет в виду мои светлые волосы и заостренные уши. И еще знаю, что привлеку внимание посреди коричнево-зеленого леса. Кроме того, у меня нет опыта в чтении

¹ Ritari (уст.) – рыцарь.

следов или незаметном преследовании. Но это не значит, что он может просто повернуться и оставить меня на произвол судьбы! Здесь, в чужой стране, это лишь вопрос времени, когда я снова наткнусь на вражеских воинов или умру от голода. Или... Я быстро качаю головой, поскольку новые сценарии моего ужасного будущего продолжают всплывать в сознании.

– Возьми меня с собой, – прошу я. – Обещаю, что не буду тебе обузой.

– Элора, – он наклоняется вперед, сильно приближаясь ко мне, – очень выносливая, но и она будет медленнее с двумя всадниками. Я уже однажды спас тебя. Будь благодарна за это! Я даже вывел тебя из леса, более чем выполнив свой долг и тем самым клятву в отношении беспомощных дев. С этого момента ты больше не моя проблема.

Я скриплю зубами. Тщеславный ублодок! Он никак не может быть одним из тех легендарных рыцарей Огненного королевства!

– Ты говоришь о клятве, – отвечаю я, игнорируя, что он назвал меня проблемой. – Разве эта клятва позволяет бросить юную девушку на произвол судьбы?

Он сужает свои впечатляюще сверкающие глаза до щелок.

– Если речь идет о высшей цели, возможно. Таких особых случаев в моей клятве нет. Но, я полагаю, важнее спасти принцессу, чья свадьба с моим королем должна создать основы союза против земельцев, чем указать служанке путь в ближайшую деревню.

Я выдерживаю его пронзительный взгляд.

– Если ты ее найдешь, я тебе понадобится, – возражаю я. – Принцессу, я имею в виду. Она не пойдет за тобой. Если, конечно, я не буду рядом. Я ее самый близкий друг. И тогда ты сможешь доставить ее к своему королю целой и невредимой.

Он презрительно фыркает.

– Я смогу это сделать и без твоей помощи. В крайнем случае свяжу и брошу на спину Элоре.

Я несколько раз моргаю.

– Что?

Он пожимает плечами.

– Ты меня поняла. А теперь слезай. Нам с Элорой пора ехать дальше.

Больше всего я хотела бы вцепиться ему в волосы или в горло. Вероятно, все свелось бы к последнему. Не знаю, что меня больше шокирует: как он собирается поступить с принцессой или что он на самом деле планирует бросить меня.

Я скрежещу зубами. Моя проклятая гордость удерживает меня от того, чтобы на коленях умолять взять меня с собой. Но когда я выскальзываю из седла и мои ноги касаются твердой земли, мой голос снижается до тихого шепота. Тем не менее я проглатываю каждую просьбу, готовую сорваться с кончика языка.

– Тогда скажи хотя бы, куда мне идти, чтобы добраться до ближайшего города.

Он кривит рот и со вздохом закрывает глаза.

– Собственно, тебе нужно идти дальше по дороге, пока не доберешься до поселения. Чтобы дойти до него пешком, понадобится... около четырех дней. Тебе лучше подождать, возможно, мимо будет проезжать торговец. Чтобы попасть в деревню Бразания, нужно идти этим путем.

Четыре дня. Я едва могу стоять на ногах, а мой живот урчит так громко, что хищники в радиусе нескольких сотен метров должны меня слышать. Далеко я не уйду без еды и оружия, которым можно будет защититься в чрезвычайной ситуации. Не то что я умею управляться с ним. Но я бы чувствовала себя... лучше.

Я оборачиваюсь. Меня не волнует, что незнакомец считает, будто здесь часто проходят торговцы. Я не могу ждать и надеяться, что земельцы не станут торопиться. Но в каком направлении мне идти? Какое приведет меня в земли, куда я ни в коем случае не хочу попасть?

Должно быть, у меня настолько жалкий вид, что мужчина, вздохнув, проводит рукой по темным волосам. Лучи вечернего солнца падают на светло-каштановые пряди, которые я раньше не замечала, но которые приковывают все мое внимание, и на мгновение моя злость на него пропадает. С растрепанными волосами он выглядит моложе, почти как простой парень, и совсем не похож на рыцаря, который всего час назад в одиночку победил земельцев. Даже его суровое выражение лица, которое я не могла прочесть, исчезло. Теперь он кажется... хоть и по-прежнему раздраженным, но также немного... уязвимым? Не знаю, подходящее ли это слово, чтобы описать его. Может быть, скорее... беспомощным?

Сдавленным вздохом он вырывает меня из моих запутанных мыслей.

– Посмотри, найдешь ли ты себе здесь обувь.

Я смотрю на него, совершенно ошеломленная.

– Значит ли это, что я могу?..

– Да, – мрачно бормочет он, избегая моего взгляда. – Но поторопись!

Я подавляю ликование и отправляюсь искать обувь в разграбленных сундуках. Снова и снова оглядываюсь через плечо, чтобы убедиться, что он не оставит меня одну. Но он сидит на лошади и наблюдает за тем, что происходит вокруг, как если бы ожидал, что в любой момент на нас нападут.

Действительно, я нахожу в сундуке пару мягких кожаных сапог, которые я упаковала для путешествия. Радуюсь, что они не заинтересовали земельцев, я надеваю их. Потрясающее чувство – снова носить обувь! Хоть они старые и стоптанные, но как раз поэтому очень удобные.

Направляясь обратно к лошади, я заново заплетаю волосы, разметавшиеся во время погони. Они у меня длинные, доходят до бедер. Когда светит вечернее солнце, в них мерцают золотистые пряди, но обычно они кажутся белыми, как снег Фриски.

– Готово! – объявляю я, вставая перед ним.

Он осматривает меня с головы до ног, пока я не начинаю вертеться под его взглядом. Мое сердце вновь бьется быстрее, когда в его глазах мелькает искорка. Я фиксирую взгляд на точке позади него, чтобы избавиться от странного чувства. Но замечаю, что он несколько раз моргает, прежде чем молча протянуть мне свой плащ.

– Я уже говорила, что то, что вы здесь называете холодным, для меня...

Резким движением он прерывает меня и бормочет что-то про клятву, продолжая протягивать плащ, при этом демонстративно глядя в сторону. Я сдаюсь: наверное, лучше с ним не спорить и не испытывать судьбу. Я накидываю плащ, который мне велик и почти волочится по земле. Но он теплый, и от него так пахнет.

– Давай, – он протягивает руку. – Пока у нас есть еще немного света, я хочу продолжить преследование.

Я вкладываю свою руку в его и удивляюсь, насколько она мозолистая. Его хватка крепкая и надежная, когда он помогает мне забраться на лошадь. Я снова сижу перед ним.

И снова остро осознаю его близость и тепло.

После шелчка поводьями Элора трогается с места. Бурая кобылка движется через подлесок, в котором земельцы оставили следы, но, несмотря на ее уверенный шаг, время от времени ее покачивает. Каждый раз при этом я становлюсь так близко к мужчине, как никогда бы не позволила при обычных обстоятельствах. И каждый раз места, где мы соприкасаемся, странным образом покалывает.

– Т-ты думаешь, мы сможем преследовать их в лесу? – спрашиваю я, чтобы отвлечься от смущающих эмоций. Я хочу дать себе пощечину за заикание. Это не в моем стиле...

Он, должно быть, тоже обратил внимание на это, потому что мешкает с ответом.

– Земельцы невысокого роста. Они недостаточно быстро передвигаются пешком, поэтому в основном ездят верхом. А лошади оставляют следы, которым мы можем следовать. Но... нам все равно нужно спешить.

Я поворачиваюсь к нему в седле.

– Почему?

У него сосредоточенное выражение лица. Или раздраженное, я не уверена.

– Боюсь, скоро может пойти дождь. Он смоем следы, и у нас не будет подсказки, куда направляться. Это будет поиск иголки в стоге сена, особенно если они уже перешли границу. Даже если они и похитили принцессу, я ничего не смогу сделать, тебе нечего бродить по Земному королевству, даже если я могу себе это позволить.

Я киваю. Правда, я еще никогда не видела дождя, но, если он размоем следы, у нас будут проблемы.

Я рассматриваю множество следов, пересекающих лес. Большинство не принадлежит земельцам, некоторые накладываются друг на друга, так что я не могу сказать, чьи они, какого животного. И животного ли вообще.

– Эти следы, – бормочу я. – Ты уверен, что один из них принцессы?

Он глубоко вздыхает за моей спиной, и я жду, что он снова скажет какую-нибудь колкость.

– Почему ты спрашиваешь? – вместо этого интересуется он. Его голос звучит резко.

– Ну, да, – выдавливаю я. – Я... я не знаю, позволила бы она просто так взять себя в плен? Что, если земельцы путешествуют без нее? Если она все же смогла убежать, не заметив наших следов?

– В этом я сомневаюсь.

Я скриплю зубами. Ясно, что он со мной не согласен.

– Но, – начинаю я, – есть ли у нас какие-нибудь явные доказательства, что принцесса с земельцами?

Некоторое время он молчит, и я боюсь, что он мне вообще не ответит. Но потом он бурчит:

– Нет.

Я задерживаю дыхание, но не смею повернуться к нему. Он... и правда признал, что не уверен?

– Но это не значит, – продолжает он, – что я буду ждать где-нибудь и надеяться, что принцесса найдется сама. Не хочу лгать тебе. Как ее служанка, ты безусловно близка к ней. Но с каждой прошедшей минутой наши шансы найти ее снижаются. Особенно если она попала в руки земельцев. Их королевство неприступно.

Я хмурюсь.

– Ни одна страна и ни один замок не являются неприступными.

– У земельцев это так, – возражает он. – В конце концов, мы достаточно пытались. Пересеченная местность, мало растительности. Нигде нельзя выстроить войска, не рискуя утонуть в мягкой почве. Я видел лошадей и всадников, которые вязли в трясине и исчезали. – Он фыркает, и у меня приподнимаются волосы на затылке. – Но почему я вообще говорю с тобой об этом? Ты женщина и понятия не имеешь о подобных вещах.

Я закатываю глаза. К таким высказываниям я привыкла. Но это не значит, что они не задевают меня.

– Ты думал спросить местных жителей о дороге? – интересуюсь я.

Позади меня на несколько секунд повисает тишина, прежде чем я слышу резкое:

– Что?

Я вздыхаю преувеличенно громко и радуюсь, что он не видит моей ухмылки.

– Как и в любой стране, в Земном королевстве найдутся подданные, недовольные своей жизнью и человеком, которого они называют королем. За определенную сумму они, возможно, будут готовы показать вам путь через пересеченную местность. Потому что в конце концов он должен быть, если земельцы не хотят сами утонуть в трясине.

Снова воцаряется тишина. У меня нет проблем с тем, чтобы представить его растерянное выражение лица. Как бы я хотела его видеть!

– Я... я никогда не смогу этого сделать, – наконец возражает он. – Это...

– Бесчестно? – подсказываю я, даже не пытаясь избавиться от насмешки в голосе. – Не все войны выигрываются с честью. Иногда приходится прибегать к уловкам, если хочешь победить. – Я фыркаю. – Или устроить свадьбу с принцессой единственной страны, которая пока остается в стороне от споров, чтобы иметь возможность пополнить свою армию.

Я чувствую, как он напрягается за моей спиной. Видимо, я попала в больное место. Но я не буду извиняться.

– Ты хочешь сказать, что предложение моего короля... бесчестно?

Я качаю головой.

– Не бесчестно. Но... дело не в принцессе. Он пользуется преимуществами, которые может получить, не – как ты это назвал? – прибегая к бесчестным уловкам. Но женись на принцессе Фриски, он также берет на себя ответственность.

– Брак – не торговля коровами! – теперь он звучит сердито, но я не позволю ему запугать себя. – Король Эсмонд ценит принцессу.

Я не могу сдержать смех и быстро закрываю рот рукой.

– Он ни разу не навещал ее с тех пор, как объявили о помолвке. Он даже не написал ей ни одного письма. Оба ничего не знают друг о друге. Так скажи, откуда у тебя такая мысль, что король может что-то чувствовать к ней?

Дальше мы едем молча. Элора почти сама находит правильный путь, так что мужчина лишь изредка должен направлять ее.

Я прокручиваю в голове наш разговор. По его жесткой позе чувствую, что он еще более холоден со мной. Я зашла слишком далеко? Но это правда...

Устроенная свадьба с принцессой служит только для того, чтобы втянуть ледяные земли Фриски в войну, причину которой я не понимаю до сих пор. Я думаю, дело в том, что Король Огня хочет расширить свое королевство. Но если земли противника действительно настолько непроходимы, как думает мой спутник, то захват этого королевства не принесет ему никакой пользы. Это просто личная вражда?

– У него есть ее портрет, – бормочет мужчина так тихо, что я его едва слышу.

Я поворачиваю голову.

– Что?

– У короля Эсмонда... есть портрет принцессы. Картина, которую ему подарили три года назад, когда переговоры были завершены. Он хранит ее в своих апартаментах, и никому никогда не разрешалось видеть ее. Но пару раз он говорил, как он заворочен улыбкой принцессы.

Я закатываю глаза.

– Это картина. Никто не может влюбиться в картину. Кроме того, она на ней не улыбается.

– Откуда ты знаешь?

Я пожимаю плечами.

– Я ее камеристка. Я была там, когда ее рисовали. Она никогда не улыбалась, когда дело доходило до помолвки с Королем Огня.

– Разве у принцессы тоже нет портрета?

– Есть, – отрывисто отвечаю я.

– И? Только не говори мне, что она не в восторге от него. Король Эсмонд силен и красив. Любая женщина может считать себя счастливой, если ей удастся заполучить такого мужа.

– Мужа, которому наплевать на свою жену, ты имеешь в виду? – возражаю я. – Для этого ей не нужно было бы ехать в Огненное королевство. Он ни разу не дал о себе знать за три года, – я задираю подбородок. – Она спрятала картину в самый дальний угол шкафа и больше

никогда не доставала после того, как целый год тщетно ждала от него весточки. Она очень быстро запылилась, но принцесса запретила мне вытирать ее.

– Мой король – занятой человек.

Это оправдание звучит так, словно он судорожно ищет объяснение поведению короля Эсмонда. Но я знаю правду. Я знаю, его просто не волнует, что его невеста думает обо всем этом. Для него она лишь средство для достижения цели. Цена за солдат Ледяного королевства. И король Фриски был достаточно глуп, чтобы поддаться обещаниям Короля Огня, в результате чего народ, который испокон веков держался в стороне от всех раздоров, втянули в войну. Даже если Огненные земли образуют естественную границу между Фриской и земельцами, это не значит, что Ледяное королевство не может быть завоевано. Земным или Огненным королевством, но это еще предстоит выяснить.

Глава 4

Давина

Когда темнеет, мы останавливаемся под массивным деревом. Отработанными движениями мой спутник разжигает костер, который дарит нам свет и тепло. Я поражена, как ловко у него это выходит. Поскольку я не мерзну и уже достаточно времени провела рядом с ним, то прислоняюсь к стволу дерева – в нескольких метрах от него. У меня такое чувство, что я снова могу свободно дышать. Тем не менее мне кажется, я все еще чувствую его своей спиной. Каждый его вдох. Его руку, которой он обвил мою талию, чтобы я не упала.

Не то чтобы я рисковала хоть раз упасть. Но я не оттолкнула его руку даже после того, как исчезла первая неуверенность. Так я чувствовала себя в безопасности.

А это чувство необходимо мне больше всего на свете.

Я завороченно смотрю на его руки, пока он разжигает костер. Его пальцы крепко сжимают два кремня, прежде чем ударить их друг о друга, его брови при этом сосредоточенно сдвинуты. Даже когда он зажигает огонь, он кажется ожесточенным, и я не впервые задаюсь вопросом, умеет ли он вообще улыбаться. Когда в сухой траве между ветками вспыхивают искры, он наклоняется и дует на них.

Я точно знаю, на что похоже его дыхание. В течение всего этого дня оно казалось мне прохладой после тепла, которое распространялось во мне, когда мои мысли сбивались. Поскольку после нашего разговора о мотивах Короля Огня мы больше не сказали друг другу ни слова, мои мысли постоянно путались.

Я быстро подтягиваю ноги к груди, кладу подбородок на согнутые колени и отвожу взгляд. Весь день мы продолжали идти по тропинкам, которые приближали нас к границам Земного королевства. Но в любом случае у нас нет доказательств, что вражеские воины захватили женщину. Если бы я была на ее месте, то попыталась бы оставить подсказку: кусок платья, который бы оторвала специально, потерянную обувь, заколку для волос – все, что мы наверняка могли бы отнести к плененной женщине.

Но вокруг нас только зелено-коричневый лес, полный странных запахов и шумов.

Нападение случилось так быстро и неожиданно, что я не могу точно сказать, как именно оно произошло. Помню, как какое-то время наблюдала, пока убивали наших охранников. А в следующий момент я бежала все глубже в незнакомый лес. Мои ноги двигались сами по себе, управляемые паникой. Я не думала о других. Я всего лишь хотела спасти свою жизнь.

Теперь мне стыдно, что я сбежала.

Но что я могла сделать? Без оружия. Не умея сражаться. Я бы стала еще одной жертвой. Бессмысленной жертвой.

Тем не менее меня гложет чувство вины, которое охватывает меня каждый раз, когда мои мысли не заняты чем-то. Мне неприятно признавать, но я предпочитаю пялиться на своего спутника и странно реагировать на его – более или менее произвольные – прикосновения, а не мучить себя вопросом, что я могла бы сделать иначе.

– Что ты будешь делать, когда мы доберемся до границы? – спрашиваю я мужчину, имени которого до сих пор не знаю.

Я отказалась от идеи спросить его об этом, так как разговариваю с ним только о самом необходимом. Более того, чувствую, что для него я не более чем нежеланный балласт. Я совсем не рада нашему соглашению, но это единственный шанс для меня выжить.

Потом мне больше никогда не придется его видеть.

Так что нет необходимости обмениваться формальными вежливостями.

Мерцающее пламя отбрасывает тени на его лицо, делая его контуры более угловатыми. Он быстро бросает на меня взгляд, прежде чем пожать плечами.

– Почему ты мне ничего не говоришь? Раньше у тебя был готовый ответ на каждый вопрос.

Я сажусь и несколько раз моргаю, вспоминая, о чем я его спрашивала в последний раз. Я закатываю глаза. Несколько раз в прошлом я чувствовала, что мужчины не ценят, когда у женщины есть свои мысли на определенные темы. Политика и война всегда были тем, над чем министры и другие сановники должны ломать голову, а не двадцатилетняя женщина, как я.

Во Фриске, к счастью, только говорили о войне, она никогда не приходила к нам.

Я возвращаюсь к его шутливому вопросу и смотрю на огонь.

– Если пересечение границы для тебя опасно, ты должен попытаться решить проблему мирным путем, – говорю я.

Он издает смешок. В другой ситуации, возможно, это звучало бы даже приятно, но от меня не ускользает жесткость, которая слышится в нем. Я снова задаюсь вопросом, может ли он... нормально смеяться, когда считает что-то смешным или чему-то радуется. Скорее всего, я этого никогда не узнаю. Часть меня находит это досадным. У него наверняка замечательная улыбка.

– Никто не может решить проблемы с Земным королевством мирным путем, – рычит он, тем самым возвращая меня в реальность, где нет улыбающегося незнакомца. – У них принцесса! О чем ты хочешь договориться? Что мы могли бы им предложить? Ты можешь придумать что-нибудь, что перевесило бы ценность принцессы?

– Нет, – признаю я. – Но мы не знаем наверняка, попала ли она им в руки. Вполне возможно, что она прячется где-нибудь в лесу.

– Ты опять начинаешь? Я не видел никаких других следов, – говорит он тоном, не терпящим возражений.

Тем не менее я скрещиваю руки на груди.

– Возможно, ты просто их не заметил.

Его завораживающие глаза, кажется, искрятся в тусклом свете. Я почти вздрагиваю от этого пронзительного взгляда.

– Осторожно, малышка, – шипит он. – я один из лучших следопытов в армии Огненного королевства.

– Перестань называть меня малышкой! У меня есть имя.

Очевидно, застигнутый врасплох моей вспышкой гнева, он хмурится, и сердитое выражение исчезает с его лица. Я почти ожидаю, что он не станет интересоваться моим именем, а продолжит хвастаться, какой он отличный следопыт.

Или заявит, что я вообще не понимаю, о чем говорю. Или признается, что для него совершенно неважно, как меня зовут, так как он в любом случае не заинтересован в продолжении нашей случайной встречи.

Спасибо большое, вполне взаимно! Как только мы доберемся до ближайшего города, он может раствориться в воздухе.

– И какое оно?

Я растерянно моргаю. Я ослышалась?

– Что?

– Твое имя. Какое оно?

Я колеблюсь, потому что считаю это глупой шуткой. Еще одним способом посмеяться надо мной. Но как бы я ни искала, я не нахожу в его лице никаких намеков на это. Он пристально наблюдает за мной, но выражение насмешки и неприязни, которое он принимал, когда я раньше открывала рот, отсутствует.

– Давина, – бормочу я.

Он приподнимает бровь.

– Странное имя.

Я закатываю глаза. Почему я думала, что подобное замечание не может исходить от него?

– А как тебя зовут? – спрашиваю я вместо ироничного ответа, который уже крутился у меня на языке. Он смотрит на меня поверх костра, будто решая, должен ли отвечать на этот вопрос.

– Леандр.

Я вздрагиваю. Несколько раз я слышала это имя раньше! Но этот дерзкий парень не может!..

– Ты... ты первый рыцарь Короля Огня! – выдавливаю я.

Он прищуривается.

– Я не фанат титулов. Я один из его рыцарей. Этого достаточно.

– Но... даже во Фриске говорят о твоих подвигах. Твои победы легендарны, как и мастерство владения мечом.

Выражение насмешливого недовольства возвращается на его лицо.

– Я уже много раз говорил тебе, что я хорош. И в обращении с мечом, и в поиске следов, и... – он колеблется, – ...в других вещах.

Я делаю вид, что не расслышала его последнего замечания, и прилагаю величайшее усилие, чтобы не представлять, о каких еще вещах он говорит. Впрочем, мне это не очень-то удается. Быстро перевожу тему...

– Что ты делаешь так близко к границе? Разве тебе не нужно быть в столице рядом с королем?

Сразу же чувствую, что зашла слишком далеко с вопросами, потому что Леандр становится еще более замкнутым, чем раньше, – если это возможно.

– Это не твое дело.

Он отворачивается и тычет палкой в костер.

Я показываю язык его спине и снова кладу голову на колени. Зазнавшийся паршивец!

В этот вечер мы больше не обмениваемся друг с другом ни словом.

* * *

Ночью я не могу уснуть. Прежде всего, мучительное чувство голода, а также незнакомые звуки заставляют меня бодрствовать. Во Фриске я часто ночевала на свежем воздухе, но звуки леса были... другими. Менее опасными. И я не знала тогда голода. Еды в замке хватало на всех. Но теперь каждое новое урчание, кажется, проедает еще более глубокую дыру в моем животе.

Чтобы отвлечься, я наблюдаю за Леандром, который сидит рядом с догоревшим костром и теперь не может мрачно на меня смотреть. Он подтянул ноги ближе к телу и положил голову на колени – так же, как и я несколько минут назад. Я отодвигаюсь немного в сторону, чтоб иметь возможность рассмотреть его лицо. Во сне он выглядит почти умиротворенным. Мне бы даже в самых смелых мечтах не пришло в голову, что он превратится в зазнавшегося придурка, который лишит меня последних нервов, как только проснется.

Никогда не встречала никого, кто мог бы так легко довести до белого каления, не открывая рта. Одного уничижительного взгляда, одного мрачного изгиба уголков его рта достаточно, чтобы заставить меня скрипеть зубами. Неужели он так пренебрежительно относится ко всем? Или у него особое отношение ко мне?

Чем только я заслужила эту сомнительную честь? Почему я должна была встретиться именно с Леандром...

Я украдкой просматривала военные сводки. Когда в них воспевалась победа Огненного королевства, я неизбежно находила имя Леандра. Заметив, что он дрожит, я, как можно тише,

встаю и подкрадываюсь к нему. Осторожно, чтобы не разбудить, накидываю ему на плечи плащ, который он вручил мне сегодня утром. Дрожь тотчас утихает. Прежде чем успеваю сообразить, что делаю, я протягиваю руку и смахиваю с его лба несколько спутанных прядей темных волос. Его кожа такая же теплая, какой я ее себе представляла – в отличие от моей.

Я привыкла к холоду, он меня не беспокоит. Даже если станет еще на несколько градусов прохладнее, мне не понадобится ни плащ, ни накидка. Но такой молодой человек из Огненных земель, как Леандр, подвержен неприятностям холода. Неважно, знаменитый ли он воин и самое близкое доверенное лицо Короля Огня. В этот момент ни один из его поступков не считается.

Сейчас он всего лишь молодой человек, которому предстоит провести в лесу одну – для него – прохладную ночь.

Его веки дергаются во сне, и он шевелит бровями, создавая жесткую складку между ними. Даже когда спит, он кажется ожесточенным. Тем не менее я хотела бы знать, что ему снится.

Я вздыхаю. Несмотря на то что он не всегда хорошо относился ко мне за прошедший день, я даю ему возможность отдохнуть хотя бы во сне, потому что уверена, в боях на фронте у него будет мало возможностей для этого.

Когда старый король Огненного королевства умер, его сын Эсмонд занял трон и продолжил войну с яростью, которая едва не подарила ему победу. Не в последнюю очередь благодаря подвигам его рыцарей. Все они прошли одну школу, были оруженосцами старого короля и сражались бок о бок, так что научились действовать идеально слаженно. Имя рыцаря, которое мы слышали во Фриске чаще остальных, – Леандр. Он вел конницу в бой и сражался на передовой, в то время как командиры обычно стояли в задних рядах и оттуда отдавали приказы. Но Леандр дрался – и как он дрался! Даже когда я читала наспех написанные отчеты о его деяниях, я видела его перед собой. В моем представлении, однако, он был опытным воином с двуручным мечом, который разбивал ряды врагов с легкостью, с которой коса срезает спелую пшеницу. Я представляла его со шрамами на лице, отметками бесчисленных битв, которые он пережил, но по-суровому привлекательным. Он был воином, чье имя заставляло врагов трепетать.

Я никогда не думала о Леандре, как о молодом и красивом мужчине двадцати двух или двадцати трех лет, даже если бы поразмышляла об этом чуть больше, ведь в конце концов он – одно из ближайших доверенных лиц короля Эсмонда. А когда молодой король пришел к власти, он окружил себя советниками своего возраста. Я помню, насколько это решение позабавило короля Фриски и насколько оскорбило.

Леандр выглядит настолько невинным, пока спит, что я не могу представить его прославленным героем войны. Он кажется таким уязвимым, что я с трудом могу удержаться, чтобы не поглаживать его по голове и не бормотать, что все будет хорошо. Он точно не хочет слышать это от меня...

Я встаю как можно тише и отхожу от него. Глядя в темный лес, полный пугающих звуков, я думаю о будущем. Леандр отвезет меня в ближайший город. Оказавшись там, я обязана связаться с королевским двором Фриски. Король и королева должны знать, что произошло. Они выразят соболезнования семьям погибших, и я рада, что мне не придется этого делать. В конце концов, я не знала никого из наших охранников по имени.

Хотя мы были в пути несколько дней, я не стала знакомиться с попутчиками. Я цеплялась за свои мысли и проклинала судьбу, которая привела меня в далекие Огненные земли. Я тосковала по прохладе Фриски и белоснежным, покрытым снегом лесам. Но вокруг меня простирались только леса зеленого, коричневого и желтого цветов, которых я почти не видела прежде, по крайней мере не когда смотрела в окно. Я хотела вернуться в свой бело-голубой мир, который был мне знаком и в котором я чувствовала себя в безопасности.

Но из-за помолвки короля Эсмонда и принцессы Эйры фон Фриски я никогда не смогу вернуться на родину. Только за это я ненавижу молодого короля, хотя никогда с ним не встречалась. Говорят, он слишком занят, чтобы отдать дань уважения своей невесте. Я же думаю, что ему наплевать на нее. Его интересует только ее приданое, которое, помимо всего прочего, состоит из пяти тысяч фрискийских солдат.

Армия воинов, которые никогда не сражались в реальных боях. Как солдаты, составлявшие наш эскорт.

Я хотела бы знать, что король Эсмонд предложил правителям Фриски, чтобы заставить их ввязаться в войну, хотя до сих пор они сохраняли нейтралитет. Должно быть, что-то значительное.

Или они просто были рады, что наконец избавились от своей неукротимой дочери и дали согласие первому подходящему претенденту.

Может, будет лучше, если мы никогда не найдем принцессу.

Глава 5

Давина

На следующее утро Леандр хмурится, глядя на плащ, накинутый на его плечи. Он не говорит об этом ни слова, но я чувствую, что, по его мнению, я снова сделала что-то не то.

Даже когда мы уезжаем, его приказы состоят скорее из скудных жестов, чем из слов. Как хочет! Демонстративно отсаживаюсь от него в седле настолько далеко, насколько возможно. Не знаю, что я вчера сказала и сделала, чтобы снова возбудить его недовольство. Делаю вид, что меня это не волнует.

Глупо, но не могу сказать почему. Я хочу, чтобы он поговорил со мной. Мне не хватает его насмешек. Теперь, когда я знаю, кто он такой, мне хочется о многом его спросить, но я слишком горда, чтобы сделать первый шаг. В конце концов, я не совершила ничего плохого.

Остаток дня мы молчим. В полдень он без слов протягивает мне несколько ягод, которые собрал, и объявляет с ворчанием, которое я могу с трудом интерпретировать как слова, что теперь мы близко к границе с Земным королевством, поэтому он не будет рисковать зажигать огонь. В общем, это единственная связная фраза, которую я слышала от него сегодня. Мой желудок издает разочарованное урчание, но я понимаю беспокойство Леандра. Если бы нам удалось поймать зайца или даже оленя, мы не смогли бы приготовить его без огня.

Ранним вечером, наконец, начинается дождь, которого боялся Леандр, и его и без того паршивое настроение достигает абсолютного минимума. До сих пор мы могли без проблем идти по следам вражеских всадников. Даже мне, не имеющей опыта в чтении следов, удалось бы проследить за ними. Но теперь каждая капля, прокладывая себе путь через пелену листьев, размягчает отпечатки копыт лошадей, сливая их со следами, которые нас не интересуют.

Я уже промокла до костей, когда Леандр останавливает лошадь под старым деревом с раскидистой кроной. Правда, даже под плотной завесой листьев до меня долетают отдельные капли, но меня успокаивает, что я не полностью открыта приближающемуся шторму.

Дождь... Протягиваю руку из-под навеса и растираю между пальцами капли. Дождь. Кожей я чувствую тепло, совсем не похожее на тающий снег.

Леандр выскальзывает из седла, широкими шагами бросается к дереву и ударяет о ствол. Я вздрагиваю. Хотя я вижу только его спину и сведенные судорогой плечи, но чувствую его разочарование, как свое собственное.

Но я его не разделяю.

Возможно, этот дождь – знак, что нам следует прекратить поиски. Неопровержимый признак, что, если мы найдем принцессу, все это плохо кончится. Но как мне объяснить это Леандру?

– Проклятье, проклятье, проклятье!

Ни говоря мне ни слова, он разворачивается и выходит под дождь. Сжав губы в тонкую, яростную полоску, он выхватывает меч и начинает размахивать им в определенной последовательности, словно сражаясь с невидимым противником. Я молча наблюдаю, как он выполняет одно упражнение за другим, а затем начинает заново. Его рубашка и штаны теперь прилипают к телу как вторая кожа, но он продолжает. Снова и снова.

Он упорно прячется за своими упражнениями, пытаясь преодолеть горечь неудачи. Я знаю это, потому что сама довольно часто поступала таким образом. Понимаю беспомощность в его движениях, которая охватывает меня и заставляет отвернуться.

Я похлопываю добродушную кобылу по шее. Затем принимаюсь растегивать ремни и снимать тяжелое седло. Сегодня мы уже никуда не поедem, а Элора наверняка больше измо-

тана, чем мы оба вместе взятые. Она поворачивает ко мне голову и мгновение смотрит, будто спрашивая, что я на самом деле делаю. Взгляд ее теплых темно-карих глаз критически оценивает каждое мое движение.

Я успокаивающе потираю белую полоску на ее лбу.

– Ты можешь сегодня отдохнуть, – бормочу я ей. Срываю пучок травы у наших ног и растираю ее теплое, влажное тело. Замечаю, что Леандр ненадолго прерывает свою тренировку и смотрит на нас. Я почти уверена, он рассердится, что я ухаживаю за его лошадью, но он ничего не говорит и снова посвящает себя упражнениям. Не знаю, радоваться мне или расстраиваться по этому поводу. Элора могла бы подхватить воспаление легких, если бы он оставил ее промокшей!

– Вот и все, – шепчу я лошади, расчесывая пальцами ее мокрую коричневую с белыми прядями гриву. Мне приходится сдерживать себя, чтобы не заплести несколько кос: это наверняка не понравилось бы Леандру. Хотя, наверно, это было бы довольно красиво... Или, возможно, мне понравилось бы дразнить его.

– Сними с нее уздечку, – замечает Леандр.

Я вздрагиваю. После того, как целый день я слышала только его ворчание, думаю, не кажется ли мне, что он говорит со мной – добровольно, без необходимости отвечать на какой-то мой вопрос!

Когда я поворачиваюсь, он смотрит на меня. Он непостижим, и при всем желании я не могу угадать, что происходит у него в голове. Но какая-то часть меня хотела бы этого. Часть меня хочет знать, что он думает, смотря на меня, когда я вымокла, голодна, да еще мои волосы ужасно спутаны. Наверняка я представляю собой жалкое зрелище.

В старой жизни моей внешности часто делали комплименты, хотя я всегда держалась на заднем плане. Эти слова ничего для меня не значили, и мне приходилось выдавливать из себя благодарную улыбку. Было бы то же самое с Леандром?

– Она не убежит, – добавляет Леандр, когда я не двигаюсь с места. – Но она лучше ест без уздечки. По крайней мере Элоре не стоит ложиться сегодня спать голодной.

Я игнорирую зияющую дыру в животе и снова поворачиваюсь к кобыле. Она откидывает голову назад, когда я тянусь к ее затылку.

– Хо, – бормочу я, притягивая ее морду ближе. Я почесываю ее лоб над пятном и медленно забираюсь пальцами выше, чтобы попробовать снова. Как можно осторожнее я снимаю с нее уздечку. – Хорошая девочка.

После того как я кладу уздечку на седло, я встречаюсь взглядом с Леандром. Он смотрит на меня, склонив голову, будто отчаянно пытается разгадать загадку. Однако на этот раз в выражении его лица нет резкости и недовольства. Мне бы очень хотелось свернуться под его взглядом, но я выпрямляю спину. Его волосы, мокрые и черные, прилипают ко лбу и вискам, и капли дождя непрерывно капают с кончика носа и подбородка.

– Обычно никто к ней не прикасается, кроме меня, – говорит он, ни на секунду не отводя от меня взгляда. – Я был готов поспорить, что она ударит тебя или укусит.

Я закатываю глаза.

– Как мило, что ты меня предупредил, – рычу я. – Но мы справились. Спасибо за участие. Он пропускает мимо ушей мое язвительное замечание.

– Ты разбираешься в лошадях? – спрашивает он.

Я киваю.

– Когда я была младше, у меня был белый мерин.

– Что с ним случилось? Он умер?

Не в силах ничего с этим поделать, напрягаюсь при его вопросе.

– Нет. Но в один момент он перестал быть моим. И я ничего не могла с этим поделать.

Леандр хмурится и выглядит так, будто хочет задать мне еще один вопрос, но потом моргает и снова посвящает себя своим упражнениям. Я почти разочарована. Разговор с ним о повседневных вещах – пусть даже на короткое время – заставил меня забыть о других моих заботах. Но теперь мои мысли вращаются вокруг Акандо, мерина, на котором я научилась ездить верхом и с которым провела большую часть своей юности. Пока у него не появился новый владелец.

Я впиваюсь ногтями в ладони, отчаянно пытаюсь сохранить самообладание. Почему я тогда молчала и делала вид, что не возражаю? Это был худший день в моей жизни, когда мне пришлось смотреть, как его куда-то уводят из стойла. Но еще хуже было то, что потом я видела его каждый день. Каждый раз, когда входила в конюшню, он вытягивал голову из нового стойла, и тут же мягкий взгляд его синих глаз останавливался на мне, будто он ждал, что я подойду к нему, оседлаю и мы поедем куда-нибудь. Но я этого не делала.

Потому что каждый раз мне приходилось напоминать себе, что он больше мне не принадлежит.

Слишком часто я мирилась с чем-то, думая, что все равно ничего не смогу изменить. Часто это бывали лишь мелочи. Даже когда у меня забрали Акандо, я молчала, заставляя себя улыбаться и выглядеть спокойной. Я сложила руки, надеясь, что все это послужит высшей цели. Однако до сих пор не знаю, как должна выглядеть эта цель.

И я устала ждать, что пойму это.

Даже во время нападения на нашу карету я ничего не сделала, надеясь, что у кого-то уже есть план. Только когда мои спутники стали умирать один за другим, я поняла, что ничто не уладится само собой. Что нет никакой высшей цели. Только я могла спасти себя. Только я могла решить, что для меня лучше.

Я закатываю рукава рубашки выше локтей и отламываю одну из сухих веток, почти такой же длины, как моя рука.

Я ничего не могла сделать. Мне пришлось наблюдать, как наши солдаты, хотя и храбро сражаясь, не смогли противостоять закаленным в боях противникам. Никогда больше мне не придется испытывать это чувство беспомощности.

Я решительно покидаю защитный навес из листьев и шагаю под дождь к Леандру. Он останавливается и разглядывает меня, поднимая брови. Тот же взгляд, что я видела все эти годы, когда осмеливалась протестовать.

Ты девушка. Что ты знаешь? Сядь на свое место и улыбайся.

Я невозмутимо встречаю его взор.

– Научи меня.

Он хмурится.

– Что ты имеешь в виду?

Кивком головы указываю на оружие в его руках.

– Обращению с мечом.

Он смотрит на меня, словно я совсем потеряла рассудок.

– Возвращайся под дерево. А то простудишься.

– Научи меня, – повторяю я без намека на мольбу.

Вздыхнув, он отворачивается и оставляет меня стоять, чтобы продолжить упражняться. Но вместо того чтобы забраться обратно под дерево, я встаю перед ним.

– Ты уже совсем промокла, – бросает он с раздраженным вздохом.

И это я снова оставляю без комментариев. Я не чувствую ни дождя, пропитавшего одежду, ни холодного воздуха приближающейся бури.

– Почему? – спрашивает Леандр, когда понимает, что я не откажусь от своего плана.

– Потому что я больше не хочу чувствовать себя беспомощной, – отвечаю я, но это только половина правды.

Потому что я хочу доказать, что могу больше, чем просто оставаться всю жизнь в тени. Потому что у меня наконец появился шанс жить собственной жизнью. Жизнью, полной свободы выбора, которую никто у меня не отнимет.

Леандр кривит рот.

– Но ты понимаешь, что не сможешь наверстать упущенные годы тренировок только потому, что я покажу тебе, как держать меч?

Я киваю.

– Я не ожидаю, что смогу побить настоящего мечника, – делаю насмешливый поклон в его сторону, на что его глаз раздраженно подергивается. – Но то, что я не умею держать меч, не означает, что враги оставят меня в покое. Не каждый воин сражается с честью и щадит безоружных.

Кажется, проходит вечность, за которую Леандр оглядывает меня с головы до ног и, наконец, кладет меч обратно в ножны. Затем подходит к дереву, под которым я оставила седло. Я тяжело сглатываю, когда думаю накричать на него: почему он оставил меня стоять под дождем? Но прежде, чем слова успевают слететь у меня с языка, он возвращается с тремя кинжалами и останавливается передо мной.

– Мой меч слишком тяжел для тебя, – говорит он. – Я тоже едва мог поднять его в течение первых нескольких месяцев, не говоря уже о том, чтобы управлять им. А ветка не может быть адекватной заменой. Так далеко не уйдешь.

Я молча таращусь на него и почти задыхаюсь, когда в его глазах появляется мягкое выражение, позволяя золотым искоркам радужки сиять.

– Ты права, – наконец бормочет он, и я задерживаю дыхание. – Мы на войне. Просто потому что ты не умеешь владеть оружием, не значит, что тебя пощадят, – мягкое выражение исчезает с его лица. – Мне... тоже пришлось наблюдать, как убивают женщин и детей. Вот почему я слишком хорошо знаю беспомощность, о которой ты говорила.

И снова я, кажется, ощущаю его боль в своем теле.

– Что... случилось?

Он тут же закрывается и избегает моего взгляда.

– Ничего, что бы было тебе интересно.

Нежное чувство привязанности, которое прорастало во мне, исчезает из-за его резкого ответа, будто его никогда и не было. Я скриплю зубами. Но чего я ожидала? Если он не хочет говорить о своем прошлом, меня должно это устраивать. В конце концов, я почти ничего не рассказывала о своем – не считая воспоминаний о моем мерине Акандо.

Тем не менее мой взгляд продолжает возвращаться к молодому рыцарю, изучая его лицо в надежде найти крошечный намек на то, что с ним случилось. Я хотела бы заглянуть за маску мрачности, которую он обычно выставлял напоказ. Совсем ненадолго, чтобы убедиться, что мое чувство симпатии к нему было не чем иным, как игрой воображения.

Почему я должна чувствовать свою связь с ним?

– Вот, – он протягивает мне один из кинжалов, которые вытащил из седельной сумки. Хотя на первый взгляд кинжал просто обработан и никак не украшен, он хорошо лежит в моей руке. – Кинжалом ты можешь управлять двумя способами. Либо ты используешь его в ближнем бою – но для этого тебе будет нужно подпустить противника чертовски близко к себе, поэтому допускай это только в чрезвычайных ситуациях, – либо ты бросаешь его.

– Я должна... бросить его? – повторяю я. – Но тогда я буду посреди битвы без оружия.

Леандр качает головой.

– Ты помнишь, как я нейтрализовал земельца, который держал тебя?

Я киваю.

– Ты всадил ему кинжал между глаз.

Он насмешливо приподнимает бровь.

– Я надеялся, что ты не будешь смотреть. Обычно девушки падают в обморок, встретившись со смертью. Я хотел избежать драмы, потому что очень торопился.

Я отмахиваюсь от него.

– Может, я не похожа на тех девушек, которых ты знал.

– Может быть, – бормочет он. – До сих пор ни одна еще не требовала обучить ее обращаться с мечом. Хотя некоторые хотели это увидеть, но... – Он пожимает плечами. – Не так уж важно. Иди сюда.

Я неохотно выполняю его просьбу, но он машет подойти ближе и ближе, пока я не становлюсь перед ним так близко, что могу почувствовать тепло его тела. Приятная дрожь проходит через меня, но я делаю все возможное, чтобы не показывать этого. «Это ничем не отличается от того, что тебе пришлось испытывать весь этот проклятый день», – говорю я себе.

Тем не менее мои глаза прикованы к его лицу, которое я не рассмотрела днем. Я с восхищением наблюдаю, как капли дождя стекают с кончиков его темных волос и носа, и мне приходится сдерживать себя, чтобы не протянуть руку и не стереть их. Капли на носу наверняка его щекочут.

– Я покажу тебе, как бросить этот кинжал в ствол вон того дерева, – говорит он спокойным, но в то же время немного хриплым тоном, вызывающим легкую дрожь у меня в животе. – Для этого мне придется прикоснуться к тебе, чтобы исправить твою осанку. Хорошо?

Я киваю, потому что не доверяю своему голосу. И потому что, если бы я открыла рот, из него бы прозвучала только какая-нибудь глупость. Например, что ни один мужчина никогда не прикасался ко мне, за исключением моего отца и ритари моей матери. Или что я не уверена, что смогу сосредоточиться на уроке.

Леандр встает позади меня. Когда он вдыхает, его грудь касается моей спины, и я чувствую его теплое дыхание на своей мокрой шее. Кинжал почти выскользывает из моих рук – внезапно моя кровь начинает бурлить.

– Теперь целься в ствол дерева, – бормочет он так близко к моему уху, что я ощущаю движение его челюсти. Когда я не шевелюсь, он добавляет: – Для этого тебе нужно поднять руку.

С некоторой задержкой я выполняю его указания. Он мягко, почти невесомо обхватывает мой локоть и выпрямляет руку так, чтобы я могла легко бросить кинжал в дерево.

Однако вместо того, чтобы сосредоточиться на цели, я слегка поворачиваю голову к Леандру. И смотрю на его губы. Моя кровь закипает еще сильнее, я чувствую покалывание – странное чувство, которого никогда раньше не испытывала и которое выводит меня из равновесия. Леандр открывает рот, будто хочет что-то сказать, но оттуда не вылетает ни слова. Я почти верю, что он испытывает схожее с моим оцепенение.

С трудом я заставляю свой взгляд оторваться от его губ и смотрю вверх. Он смотрит на меня, слегка прищурив глаза, с таким видом, что покалывание становится невыносимым. Его взгляд непроницаемый, темный, но также... вызывающий. Отнюдь не такой угрожающий, как раньше.

Я вздрагиваю, когда он стучит по моей пятке кончиком стопы.

– Отставь ногу немного назад, – приказывает он, не отрывая от меня взгляд. Я подчиняюсь. Рука, которая до сих пор была на моем локте, медленно скользит ниже, легко, едва заметно касаясь моей талии сквозь намокшую ткань одежды, и ложится на мое бедро. – Переinesi вес на ногу, которая сзади, – бормочет он, сильнее нажимая на мое бедро, чтобы я слегка откинулась назад. – Держи руку вверх. А этой... – он кладет свободную ладонь на мою левую руку и выводит ее слегка вперед, – ты даешь импульс. Поняла?

Я потрясенно киваю, хотя не уверена, что смогу все повторить за ним. Мой взгляд утонул в его и ненадолго переместился к его губам, пока он говорил. При всем желании я не смогу повторить то, что он сказал, не говоря уже о том, чтобы сделать все без его помощи.

Когда без предупреждения на его губах появляется улыбка и возле левого уголка рта возникает ямочка, сердце чуть не выскакивает у меня из груди. Я знала, что он будет выглядеть потрясающе, если только станет чаще улыбаться, но такого я не ожидала. Как замороженная, я смотрю на ямочку и приподнятые уголки его рта.

– Ты должна следить за своей целью, а не за мной.

Я поспешно моргаю.

– Из... Извини.

Мое сердце так сильно колотится о грудную клетку, что почти больно, когда я замороженно наблюдаю, как улыбка Леандра становится еще шире. Только благодаря этому моя боль почти забыта. Святая богиня, он должен все время улыбаться, а не скрываться за той кислой миной. Я бы ела из его рук, просто чтобы видеть, как он улыбается.

– Твоя цель там.

Ах да, дерево! Снова, что я хотела сделать?

– Давина, – хрипит он, и от того, как он произносит мое имя, я вновь чувствую покалывание. – Ты хотела тренироваться. Поскольку я не знал, чем себя занять, то согласился помочь. Я также могу вернуться к своим упражнениям, если ты передумала.

– Нет, – заставляю себя сказать и неохотно отворачиваюсь. – Что мне делать?

Он снова кладет правую руку мне на локоть.

– Ты сильно отклоняешься назад, замахваешься и изо всех сил кидаешь кинжал. Попрактикуемся в прицеливании позже. Для меня будет достаточно, если на сегодня ты усвоишь движения.

На сегодня. Значит ли это, что он снова будет тренироваться со мной?

Я заставляю себя сосредоточиться на главном и фиксирую взгляд на стволе дерева. По моим оценкам, он находится в добрых десяти метрах. Довольно большая и неподвижная цель. Это должно быть возможно.

Леандр делает шаг в сторону, чтобы я могла лучше замахнуться. Как он мне и объяснил, я перекидываю вес на отведенную назад ногу, откидываюсь и замахваюсь левой рукой, вытягивая ее вперед. Торопясь, в нужный момент отпускаю кинжал. Он летит со свистом в направлении дерева.

Но промахивается на несколько метров и падает в мокрую траву.

Позади меня раздается веселое фырканье. Я оборачиваюсь и бросаю на Леандра ядовитый взгляд.

Хотя мне нравится, как он смеется, но не когда смеется надо мной.

– Для первого раза выглядело не так уж плохо, – говорит он, но я не верю ни единому его слову.

Я не попала в цель и, судя по ухмылке, красующейся на его лице, действовала очень глупо. Сжимая зубы, чтобы не накричать на него, я иду, чтобы поднять кинжал.

– Тебе просто нужна практика, – когда я возвращаюсь, Леандр снова кажется спокойным, если не считать насмешливых искорок в его глазах. – Со временем ты научишься оценивать свое окружение и реагировать в зависимости от него. Во время дождя или сильного ветра тебе придется бросать иначе, чем при солнечном свете. Но на сегодня уже стоит остановиться и отдохнуть.

Я возвращаюсь на позицию и снова прицеливаюсь в ствол дерева.

– Ты меня слышала?

– Да, – коротко отвечаю я.

– Тогда почему ты продолжаешь?

Я разворачиваюсь и снова кидаю мимо дерева. Но на этот раз получается лучше. Я беру кинжал и возвращаюсь на место.

– Давина, – предупреждает Леандр.

– Я все равно уже промокла, – отвечаю я, не глядя на него. – Неважно, продолжу ли я сейчас практиковаться или мы будем сидеть под деревом и молчать, как весь день. Когда я тренируюсь, то делаю что-то полезное.

– Прекрасная же ты служанка, – усмехается он. – Отказываешься следовать приказам.

Я оборачиваюсь и наставляю на него острие кинжала. Сам того не зная, Леандр своим заявлением ударил по больному месту.

– Может, мне надоело подчиняться приказам! – рычу я. Слова звучат злее, чем я предполагала, но я не собираюсь извиняться. – Может, я смогу использовать ужасы, на которые мне пришлось смотреть, как шанс.

Он хмурится, явно смущенный. Однако его взгляд направлен на меня, игнорируя кинжал, острие которого я все еще направляю на него.

– Шанс на что?

Я опускаю руку.

– На... собственную жизнь.

На мгновение глаза Леандра округляются, но он быстро берет себя в руки и смотрит на меня, мрачно нахмурив лоб. При всем желании я не могу сказать, что сейчас творится у него в голове. Но я хотела бы знать. Он считает меня сумасшедшей? Наверное, я не должна пытаться переубедить его. Как только мы наконец покончим с этими поисками и найдем принцессу, он оставит меня в ближайшем городе, и я никогда его больше не увижу. И это хорошо! Но я понятия не имею, что мне тогда делать со своей жизнью. Вполне возможно, я единственная выжившая после нападения. Я должна была бы сообщить об этом королевскому двору Фриски. Это было бы правильно. Но это означает, что мне придется вернуться к своей прежней жизни.

Жизни, полной правил и ограничений и лишенной возможности действовать по собственной воле. Жизни, в которой другие определяют меня, а я должна склоняться перед ними.

Если я не вернусь... Если я притворюсь, что тоже умерла во время нападения... Тогда я могла бы построить собственную жизнь.

Я свободна.

Глава 6

Леандр

Я не могу понять эту малышку! Это сводит меня с ума. Обычно я хорошо умею оценивать оппонента. Навык, который мне пришлось натренировать с юных лет, чтобы выжить. Он работает с обычными гражданами, солдатами и даже с королями. Особенно с королями.

Но не с Давиной.

Все в ней противоречиво. Ее движения точны и изящны, что не редкость для служанки принцессы, которая всю свою жизнь провела при королевском дворе. Но иногда ее язык довольно остер. При дворе короля Эсмонда она уже была бы наказана за то, что не лезет за словом в карман. Я не против, но не могу себе представить, чтобы такое поведение ценилось при дворе Фриски. Люди в Ледяном королевстве, как известно, скрытные и сдержанные. Поэтому я более чем удивлен, когда после каждого моего слова с ее стороны следует резкий ответ.

Фрискийцы держатся особняком, поэтому Давина – первая жительница Ледяного королевства, которую я встречаю. Я слышал о них истории и читал предания в книгах. Каждый раз рассказчики с трудом подбирали слова, чтобы описать внешность женщин холодного севера. Я должен был знать это. Но ее вид поразил меня, как внезапное наступление зимы. Даже когда она ехала по лесу, измученная и разбитая, она казалась красивее и грациознее всех женщин, которых я видел до сих пор.

Ее волосы такие светлые, что кажутся почти белыми. Однако в лунном свете они отливают серебром. Я видел это вчера, когда она думала, что я сплю. Я был бы плохим рыцарем – и, вероятно, не дожил бы до двадцати, – если бы не услышал, как она подошла ко мне. Она накинула на меня плащ – жест, который я до сих пор не понимаю. Любая другая женщина была бы благодарна и не вернула его, даже если бы не чувствовала холода.

Когда она убрала волосы с моего лба, я чуть не открыл глаза. Прикосновение кончиков ее пальцев было одновременно теплым и холодным. Даже для меня это казалось бессмысленным, но так и было. Она лишь мимолетно коснулась меня, так что я не смог понять до конца, не показалось ли мне, но места, до которых она дотронулась, после горели, будто я сидел слишком близко к огню. Может, так и было. Наверняка я сжег больше, чем несколько участков кожи, – мой мозг, например. Иначе я не могу объяснить, почему до сих пор не оставил ее.

Я не мог не бросить на нее быстрый взгляд прошлой ночью после того, как она отошла от меня и посмотрела в ночное небо.

Потерянная.

Вот первое слово, которое возникло у меня в голове, пока я смотрел на нее. Без холодного, гордого образа, который я чувствовал весь день и от которого, казалось, мой язык примерзал к небу, она выглядела потерянной. Как будто все, что она знала, исчезло в один момент. Как будто она осталась совсем одна.

Но это неправда! Наверняка у нее во Фриске есть семья, которая только и ждет, когда она объявится. Которая обрадуется, что их дочь жива и невредима. Семья, в которую она должна вернуться как можно скорее.

Для меня есть только одно такое место. Я живу ради своего короля, который дал мне смысл, когда даже следующий вздох казался лишенным его. Он поднял меня на ноги, когда я больше всего хотел бы свернуться калачиком, чтобы умереть, лежа на холодной земле, и дал мне миссию. С тех пор я читаю в его глазах всякое желание и служу ему с рвением, граничащим с одержимостью, о чем не устают напоминать другие рыцари. Но для меня это единственный способ двигаться дальше. Если остановлюсь и начну колебаться, меня сожрут.

Чтобы снова не утонуть в мыслях, я смотрю на Давину, которая яростно пытается метнуть кинжал так, чтобы кончик застрял в дереве. Каждый раз, когда она не попадает, разочарование и гнев мелькают в ее темно-синих глазах, и я почти испытываю жалость к бедному растению. Я не хочу, чтобы она на меня так смотрела.

– Ты должна вложить больше силы в бросок, – говорю я, когда она возвращается на исходную точку.

Тут же ее пронзительный взгляд устремляется ко мне, и я сухо сглатываю. Я был близок к тому, чтобы отвести глаза.

– У меня больше нет сил, – шипит она, стиснув зубы.

Верно. Со вчерашнего дня у меня было более чем достаточно времени познакомиться с возможностями ее тела, ведь большую часть дня она просидела в седле впереди меня. Все это время у меня в носу сохранялся ее запах, который мне хотелось вдыхать снова и снова, только чтобы почувствовать его. Однако больше всего меня очаровали ее заостренные уши, торчащие сквозь почти белые волосы и будто умоляющие, чтобы я очертил их необычную форму кончиками пальцев.

Клянусь богами, что со мной не так? Я явно был на войне слишком долго, если эта малышка выводит меня из равновесия...

Я качаю головой, чтобы отогнать эту мысль, и сосредотачиваюсь на том, о чем мы говорили. Сила. Да, именно это! Каждый, кто видит эту девушку, понимает, что у нее немного сил. В то время как обычно женщины – особенно незамужние! – скрывают свои формы за широкими платьями и накидками, рубашка и брюки Давины так плотно прилегают к телу, что остается мало места для воображения. Только не тогда, когда она вымокла насквозь, как сейчас, и я могу различить под белой рубашкой мерцание ее кожи и еще кое-что...

Взять ее с собой было ужасной идеей.

Она воплощение неприятностей, не более того! Та, кто задерживает меня, когда нужно спешить. Но как бы трудно ни было это признать, я уже давно так не наслаждался обществом женщины, как с ней. Когда я вообще был в последний раз в компании женщины? Я не могу вспомнить, но мы не будем тратить время на разговоры. Может, поэтому я и не практикуюсь. Месяцы, проведенные среди мужчин, не способствуют улучшению моих манер.

– Нет ли другого способа держать противника на расстоянии? – спрашивает она.

Мне требуется несколько ударов сердца, чтобы вернуться в настоящий момент.

– Ты, конечно, можешь использовать его в качестве оружия ближнего боя, но для этого нужно, чтобы твой противник подошел к тебе очень близко. Если у него есть оружие с большей дальностью, ты неизбежно проиграешь. Так что тебе лучше атаковать издалека.

Она вызывающе поджимает розовые губы – они выделяются на ее безупречно светлом лице, как и синие глаза.

– Самым лучшим, – добавляю я, – было бы, если бы ты больше не попадала в опасные ситуации. Женщины должны оставаться в безопасности дома.

Слишком поздно. Когда она так сужает глаза, я понимаю, что двигаюсь по опасной территории.

– Ты имеешь в виду, это была моя вина, что тот мерзкий тип пытался меня похитить?

Я склонен ответить утвердительно. Я презираю насилие в отношении женщин в любой форме, но какая-то темная часть меня понимает мотивы врага, по крайней мере немного. Эта темная часть хотела бы заполучить Давину только для себя, когда я впервые увидел ее. Но, в отличие от сброда из Земного королевства, я не собираюсь похищать ее.

– Нет, – говорю я наконец. – Тем не менее для такой юной девушки, как ты, было бы безопаснее быстро вернуться туда, откуда она пришла.

И снова, кажется, я сказал что-то не то, потому что ее сверкающие синие глаза стреляют в меня вспышками ледяного огня.

– Такие юные девушки, как я? – повторяет она подчеркнуто спокойным тоном.

Отдаленный раскат грома вторит кипящей в ней ярости, которую она едва может сдерживать.

Я заставляю себя кивнуть.

– Тебе не хватает физической силы и способностей защитить себя. Твоя беззащитность – приглашение для подобного отребья, как земельцы.

– У меня, может, не хватает сил, – признает она. – Но возможно также, это не подходящее для меня оружие. – Она роняет в траву кинжал, который до сих пор крепко сжимала. – Возможно, ты просто самый паршивый учитель из всех, кого я встречала.

Я стараюсь пропустить последнюю издевку мимо ушей.

– Ты могла бы попробовать с луком и стрелами. Я знаю нескольких солдат, которые из-за своего телосложения никогда не смогли бы долго драться с мечом, но они настоящие мастера в обращении с луком и стрелами. Один может даже стрелять по целям во время езды. Но для этого...

– Для этого что?

Я почти улыбаюсь ее сердито-укоризненному выражению. Вспоминаю с удивлением, что прошло уже много лет, как я научился улыбаться.

– Для этого тебе надо уметь ездить верхом без рук. А я даже не уверен, что ты одна можешь сидеть в седле.

Ярость в ее взгляде становится еще более угрожающей прежде, чем я заканчиваю говорить. Не сказав ни слова, она резко проходит мимо меня, так что я ощущаю ее аромат и свежий запах дождя и леса. Она набрасывает поводья на Элору, мирно пасущуюся под защитой крон.

Прежде чем я успеваю спросить, что она задумала, Давина запрыгивает на спину моей кобылы, без седла и уздечки, так, словно полжизни провела верхом. Слова застревают у меня в горле при виде этого.

Элора наостряет уши: верный признак, что она вот-вот начнет брыкаться. Как наездника она знает только меня и редко позволяет другим оседлать ее.

Я хочу крикнуть Давине, чтобы она немедленно слезла, если она не хочет сломать себе шею, но она уже подталкивает кобылу пятками. Лошадь делает шаг и проскакивает мимо меня. Давина приспосабливается к темпу и движениям Элоры уже через несколько метров и разводит руки, сидя на спине лошади, скачущей галопом. Только когда кобыла перескакивает через поваленное дерево, Давина одной рукой хватается за гриву и слегка наклоняется вперед. Не считая этого, она направляет Элору исключительно давлением бедер – техника, которую мне, к лучшему или худшему, пришлось выучить во время войны, так как в бою мои руки заняты. Потребовались месяцы, чтобы даже такая обученная лошадь, как Элора, знала, что ей делать, но с Давиной они очень быстро поняли друг друга.

Я стою как вкопанный и смотрю на зрелище, которое открывается передо мной. Элора и Давина скачут по лесу, волосы девушки, заплетенные в косу, развеваются за ней. При каждом ударе копыт разлетаются грязь и вода. Даже когда они мчатся прямо на меня, я не могу пошевелиться. Давина так резко останавливает кобылу передо мной, что та встает на дыбы. Но вместо того, чтобы упасть, как сделал бы даже опытный всадник, девушка остается сидеть, зарывшись рукой в гриву Элоры, и смотрит на меня со смесью удовлетворения и снисходительности. Как раз в этот момент по затянутому облаками ночному небу мелькает молния.

Я боюсь, что мое сердце может остановиться в любую секунду.

Я никогда не верил в судьбу. Но теперь близок к этому. Никогда еще не видел, чтобы женщина так ездил. Даже в дамском седле, на лошади, идущей рысью, они начинали ворчать, что их прически растреплются и их будет слишком сильно трясти.

Не прерывая зрительного контакта, Давина перекидывает ногу через седло и соскальзывает со спины лошади. Грязь забрызгала ее до самых бедер. Затем она хлопывает Элору, и та

бежит обратно под дерево. Мерный шум жевания травы и раскаты грома – единственные звуки, наполняющие ночь, когда я смотрю на мокрую и запачканную грязью девушку передо мной.

Я знаю, что жители Фриски молятся богине льда. С другой стороны, у нас в Огненных землях много богов, которым мы воздаем почести в зависимости от ситуации. В тот момент я не удивился бы, если бы Давина оказалась воплощением богини лошадей. Для меня будет честью воздвигнуть ей алтарь своими руками, даже если после всех ужасов, которые пережил, я потерял веру в богов.

– Я... потом вытру ее насухо, – бормочет Давина. Наверное, она неправильно истолковывает мое молчание и взгляд. Внезапно она кажется неуверенной, будто боится, что я снова буду критиковать ее, но нет ничего более далекого от правды.

Я откашливаюсь и произношу именно те слова, которые хочу сказать. Не ту чушь, о которой только что думал, – о богинях и алтарях.

– Это было не так уж плохо.

Конечно, это непостижимое преуменьшение, но я рад, что смог вообще сформулировать четкое предложение. Я хочу умолять ее еще раз прокатиться верхом на Элоре. Хочу увидеть это снова, чтобы убедиться, что мои чувства не обманули меня и это действительно произошло. Давина приподнимает бровь, и мое сердце снова замирает.

– С собственной лошастью, с которой вы бы идеально подходили друг другу, ты действительно смогла бы овладеть стрельбой из лука верхом, – быстро говорю я, прежде чем попросить ее снова запрыгнуть на Элору.

Намек на улыбку касается ее губ, но мгновенно исчезает. Внезапно ее лицо кажется закрытым, и блеск уходит из ее взгляда, а потом она смотрит в землю. Опустив голову, проходит мимо меня под дерево. Я хмурюсь, наблюдая, как она ловкими пальцами распускает косу и расчесывает пряди, прежде чем отжать воду.

Все еще смущенный этой сменой чувств, я тоже прячусь от дождя, которого до сих пор совсем не замечал. Я стою неподвижно, судорожно ища что-нибудь, что я мог бы ей сказать. Неужели я невольно обидел ее? Но при этом хотел похвалить. То, как она только что ехала на Элоре... Это было... Я не могу подобрать слов, поэтому предпочитаю оставить все как есть. Вздохнув, стягиваю через голову промокшую рубашку и выжимаю ее. Не глядя в ее сторону, отчетливо ощущаю на себе пристальный взгляд Давины. Я чувствую его словно прикосновение и, не в силах ничего с этим поделать, сажусь ровнее, как идиот, который выставляется перед женщинами.

Клянусь всеми богами, не понимаю, зачем это делаю? Я всегда насмехался над такими мужчинами, которых, к сожалению, было много на фронте. Я хочу дать себе пощечину за то, что теперь поступаю так же. Я быстро возвращаю себе рассудительность. Неважно, что она обо мне думает. Как бы я ни восхищался ее навыками верховой езды, мы скоро расстанемся. И это хорошо. Я так странно реагирую на нее только потому, что слишком давно не был в женском обществе.

– Ты сражался во многих битвах? – слышу я голос Давины за своей спиной.

Понимаю, почему она хочет это знать. Шрамы, которые покрывают мое тело, хорошо заметны даже в сумерках. Я часто забываю о них, потому что не вижу большую их часть.

Но теперь мне болезненно напоминают, что они не являются приятным зрелищем и женщины обычно избегают такого.

– Во множестве мелких стычек, – отвечаю я. – И в трех настоящих битвах, которые длились месяцами. В двух из них я был командиром кавалерии.

– И ты был ранен.

Не вопрос, а констатация факта.

Я киваю, не оборачиваясь к ней.

– Никогда не хотел быть одним из тех трусливых командиров, которые передают свои приказы с самых безопасных позиций, где с ними ничего не может случиться. Я хотел сражаться. И, к сожалению, с мечом в руках я, как правило, не замечаю ничего вокруг.

Она молчит. Наверно, я сказал слишком много и теперь окончательно отпугнул ее. Так было бы лучше. До сих пор никто никогда не понимал меня. Даже мои солдаты боятся меня, когда я сражаюсь. Они боятся того зверя, который скрывается во мне и проявляется каждый раз, когда я сталкиваюсь с врагом. Когда слышу приближающиеся шаги Давины, то напрягаюсь, а когда ее теплое дыхание касается остывшей кожи на моей спине, я больше не могу подавлять дрожь. Надеюсь, она этого не заметит... Если она...

Я вздрагиваю, когда она слегка проводит пальцами по шраму между моими лопатками.

– Что с тобой случилось здесь? – тихо спрашивает она.

С каждым слогом ее теплое дыхание касается моей кожи, и ее начинает покалывать от блаженства. Я упорно сдерживаю каждый звук, зреющий в моем горле и не имеющий ничего общего со словами, которые я собираюсь сказать.

– Арбалетный болт, – хриплю я. – Атака из засады. Не хотел, чтобы меня несли с поля боя, как тяжелораненого, из-за ничтожного болта, поэтому продолжал сражаться. Я не знал, что наконечник болта был зазубрен и укреплялся в моей плоти с каждым движением. Рана воспалилась после того, как полевой врач наконец-то вырезал его. – Я вздрагиваю от воспоминания. – У меня поднялась температура, и я был прикован к постели в течение нескольких дней, поэтому пропустил исход боя.

Осторожно она проводит пальцами по внешним краям шрама.

– Она такая зазубренная, что почти похожа на снежинку. И она почти в центре твоей спины.

– Доктор сказал, что на полсантиметра влево, и я, возможно, никогда больше не смог бы ходить.

– Тогда тебе повезло.

– Это не имеет ничего общего с везением.

Я рассчитываю, что она, как обычно, будет мне возражать. Наверно, в этом мире нет темы, по которой она не придерживалась бы иного мнения, чем я. Каким бы странным ни казалось мне, что у женщины столь острый язык, не могу сказать, что мне не нравится с ней разговаривать. Хотя солдаты часто спотыкаются о собственные ноги, чтобы выполнить мои приказы, приятно общаться с кем-то, кто относится ко мне со скептицизмом. Кроме Давины, только король Эсмонд может подвергать сомнению мое мнение и приказы.

Не знаю, почему я разрешаю это ей. Может, потому, что она напоминает мне кого-то, кого я потерял давным-давно.

– Вы победили? – спрашивает она, отдергивая руку. Места, которых она только что касалась, тут же замерзают.

Я усмехаюсь, даже если она этого не видит.

– Мы всегда побеждаем.

– Тогда как же получается, что эта война продолжается?

Улыбка исчезает.

– В открытых боях мы превосходим земельцев, но их больше, чем нас. Если мы уьем одного, десять встанут за павшего. Они избегают сражений с нашими войсками и довольствуются тем, что сжигают поселения вблизи границы. Или захватывают кареты с молодыми девушками. Они усложняют нам жизнь там, где только могут. Король Эсмонд больше занят возмещением ущерба, нанесенного Земным королевством, чем планированием битв с ним.

Я вздрагиваю, когда она снова кладет руку мне на спину. На этот раз она касается шрама, идущего до правого плеча.

– Это было лезвие меча?

– Топор, – отвечаю я. – Наверно, удар должен был отделить мою голову от тела. К сожалению, топор застрял у меня в плече, вместо того чтобы попасть по шее.

Меня часто спрашивали о происхождении моих шрамов, иногда дерзкие женщины, которые надеялись, что таким образом смогут сблизиться со мной. Большинство из них, увидев множество плохо заживших ран, украшающих мое тело, быстро переключались на других рыцарей.

Почти все шрамы у меня на спине из-за того, что очень немногие бойцы подходят достаточно близко, чтобы поранить меня спереди. Слишком быстро они оказываются побежденными или мертвыми у моих ног, когда сталкиваются со мной в открытом бою.

Давина легонько поглаживает тонкие шрамы, мерцающие серебром на моей руке. При этом она обходит меня, пока не оказывается прямо передо мной. Я задерживаю дыхание, когда ее взгляд скользит по моей груди и животу. Я будто могу почувствовать его прикосновение. Я смущаюсь и быстро переношу вес, чтобы ей это не бросилось в глаза. Она мельком смотрит на меня и замечает мое нахмуренное лицо.

Извиняясь, она пожимает плечами.

– Как ты знаешь, мы во Фриске очень... миролюбивый народ.

Я удерживаюсь от реплики, что не назвал бы ее трусихой.

– У нас есть солдаты и армия, но никто никогда не видел настоящего сражения, не говоря уже о том, чтобы поучаствовать хотя бы в одном. Вот почему ни у кого из них нет таких ран. – Она приоткрывает губы, на мгновение задумываясь. – Конечно, есть те, кому на тренировках не повезло и они неудачно пропустили удар. Или некоторые повара, которые порезались ножами. Но настоящего военного ранения я никогда не видела.

– Почему ты так очарована этим? – спрашиваю я, когда ее взгляд скользит глубже. Слишком глубоко для меня и моей сдержанности. – Разве ты не находишь их... отталкивающими?

Отвечая на мой вопрос, она смотрит мне в глаза, и я снова теряюсь в их синеве. Никогда не видел такого темно-синего цвета глаз.

– Почему я должна? – резко спрашивает она. – Как ты уже сказал, они очаровывают меня. Они – знак того, что ты сражался и одержал победу. Они – трофей. Каждый шрам означает, что ты выжил, в то время как другие нет. Шрамы определяют тебя как победителя.

Трофеи. Доказательство того, что я выжил. Знак победы.

Я напряженно сглатываю. Никогда еще не слышал, чтобы кто-то так говорил о шрамах, особенно о моих. В глазах молодых женщин они – недостаток. А эта малышка из Фриски, которая, вероятно, знает, что вообще такое война, только по книгам, произносит именно те слова, которых я подсознательно жаждал услышать много лет.

Слова, которые исцеляют ту часть меня, которая еще не совсем ожесточилась из-за бесчисленных боев.

Когда я не отвечаю ей – не могу ответить, – ее взгляд скользит по моей груди и животу вниз. Быстро натягиваю все еще влажную рубашку через голову и отворачиваюсь от Давины.

– У тебя есть что-то, во что ты можешь переодеться? – спрашиваю я. Мой голос звучит грубо и взволнованно. Надеюсь, этого она не замечает. – То, в чем не простудишься до смерти.

Она вытаскивает булавки из-за пояса брюк и отжимает пояс. При этом демонстрирует мне полоску своего плоского живота, почти белой кожи. Я смотрю вверх и посылаю к небу немую молитву. Что я сделал на этот раз, чтобы заслужить гнев богов? Почему они послали Давину мучить меня?

– У меня есть только то, что на мне, – бормочет она. – Мы могли бы разжечь огонь. Возможно, тогда я высохну быстрее.

– Никакого огня, – сразу отвечаю я. – Мы слишком близко подошли к границе с Земным королевством.

Она вызывающе приподнимает бровь, и часть меня, с которой что-то не так, уже с нетерпением ждет ее несомненно язвительного ответа.

– Неужели великий рыцарь боится нескольких земельцев?

– Нескольких? Вряд ли, – отвечаю я. – Но, как ты только что видела, я могу быть уязвим. Против нескольких земельцев выступлю, но не знаю, сколько их здесь на самом деле бродит. Поэтому я бы предпочел, чтобы мы остались незамеченными. Если ты, конечно, не жаждешь, чтобы тебя обнаружили и похитили.

Она снова пытается заставить меня оледенеть своим сверкающим синим взглядом.

– Не шути так глупо! Лучше скажи мне, что мы будем делать.

– Под дождем? Ничего. – Я кривлю рот. – Следы бесполезны, и я не надеюсь, что мы сможем возобновить преследование, как только прояснится.

– Тогда... ты хочешь сдаться?

– Не может быть и речи, – рычу я. – Как ты думаешь, я бы остановился здесь, если бы не одна надоедливая девушка? Но у меня нет выбора. Я не буду рисковать и брать тебя с собой дальше. Было вообще неправильно согласиться помочь тебе.

Глава 7

Давина

Я напрягаюсь при его словах. Ошибка. Он считает это ошибкой. Он также раскаивается, что спас меня от земельцев?

Но я не могу винить его за это. Он опытный рыцарь. Конечно, для него это бремя, когда за ним кто-то тащится и он не может двигаться так, как привык. Без дополнительного балласта в виде меня Элора наверняка шла бы гораздо быстрее, а Леандр давно бы догнал земельцев.

Теперь он должен вернуться к своему королю и сообщить, что запланированной свадьбы не будет.

И это моя вина. Если бы я не умоляла Леандра взять меня с собой, все было бы по-другому, я в этом уверена.

– Что... ты скажешь своему королю? – тихо спрашиваю я.

Леандр проводит рукой по влажным волосам, еще больше растрепав их.

– Если бы я знал... хотя он никогда не встречался с ней, Эсмонд был влюблен в принцессу Фриски. Понятия не имею, как сообщить ему о ее похищении так, чтобы он немедленно не бросился в Земное королевство в попытке спасти ее. – Взгляд Леандра устремлен на меня. – Что с тобой? Ты кажешься такой спокойной. Ты не беспокоишься о своей госпоже?

Я заставляю себя пожать плечами.

– Нас разлучили во время нападения, но я знаю, что она может позаботиться о себе. Даже если она провела всю жизнь в замке, она не так беспомощна, как я. Не удивлюсь, если земельцы уже сами ее освободили.

– Ты думаешь, она может быть на свободе?

– Вероятно. Может, она предложила им сделку. В конце концов, она принцесса. Ее родители богаты. Что-то же есть такое, чего Земное королевство хочет больше, чем королевскую дочь, которая усложнит им жизнь.

Леандр мотает головой из стороны в сторону.

– Она... может предложить обмен?

– Я так думаю. По крайней мере, я бы так сделала. Понимала бы, что для моих тюремщиков выгоднее снабдить своих солдат лучшим и обеспечить их современным оружием, вместо того чтобы позволить девушке из народа, с которым они не воюют, мыть полы. Фриска известна своей тонкой сталью и острым оружием. Так земельцы наконец-то получили бы преимущество над своим противником. – Я пожимаю плечами. – Вот как я бы поступила.

Рот Леандра открывается, когда он смотрит на меня так, будто впервые видит. С тошнотворным ощущением в области желудка я отвечаю на его взгляд.

– Почему я не подумал об этом? – ворчит он. – И почему тебе приходят в голову такие умные идеи?

Я не позволяю себе принять близко к сердцу его последний комментарий, но все равно каждый раз больно, когда кто-то меня недооценивает. А с Леандром это еще больнее.

– Наверное, наслушалась умных речей, – отвечаю я. – В юности принцесса часто посещала совещания, и я тоже на них присутствовала. Или я просто не думаю о следующем бое, а пытаюсь увидеть картину в целом.

В его глазах мерцают веселые искорки.

– Я должен был бы не согласиться с тобой, но, к сожалению, ты права. Я лишь бездумно следовал за нападавшими и не рассматривал никаких других вариантов. – Он смотрит в сторону, где терялись следы вражеских воинов. – Тем не менее я не хочу бездействовать и ждать. Меня это не устраивает... Что, если принцесса надеется на спасение?

– Ты ничего не сможешь сделать в одиночку, – подмечаю я. – У нас был шанс, когда они все еще находились на этой территории, но в Земном королевстве их след потеряется.

Леандр бросает на меня взгляд, который я не могу истолковать, но от которого в животе возникает странное трепетание и покалывание.

– Что такое? – растерянно спрашиваю я.

– Я сейчас обдумываю, хорошая ли это идея – отвезти тебя в город побольше, где ты сможешь связаться со своей семьей, – бормочет он, не сводя с меня глаз. – Это означало бы, что в будущем мне придется обойтись без твоих умных идей и острословия. Не уверен, что мне это понравится.

Трепет усиливается, пока не достигает моего сердца, которое бьется слишком быстро.

– Кто знает? Возможно, я тоже воспользуюсь этими злополучными обстоятельствами, чтобы начать все сначала.

Леандр хмурится.

– Что ты имеешь в виду?

Я заправляю рубашку обратно за пояс брюк, игнорируя, что одежда прилипает к моей коже. Мне не нравится это чувство, хотя, к счастью, я не ощущаю холода. Сев и прислонившись спиной к стволу дерева, я подтягиваю ноги ближе и обхватываю колени руками.

– Ты всегда хотел стать рыцарем короля? – спрашиваю я, не глядя на него.

Леандр колеблется, но затем подходит и садится на некотором расстоянии от меня. Тем не менее мне кажется, что я чувствую его тепло.

– Нет, – признается он наконец. Он наклоняет голову и кладет ее на согнутые колени, глядя на меня. – Моя семья владела небольшим поместьем с несколькими акрами земли. Ничего особенного, но мне и моим сестрам этого хватало. Когда-то, когда я еще был совсем маленьким, отцу взбрело в голову разводить лошадей. Не обычных лошадей, а огромных боевых коней, вроде тех, на которых ездят земельцы.

Я уставилась на его губы и без труда представила этого рыцаря мальчиком, следующим за отцом в конюшню. Леандр наверняка был симпатичным пареньком, за которым бегали девочки.

– В раннем возрасте я заметил, что у меня есть талант в обращении с лошадьми, – продолжает он. – Я мог сказать, когда они плохо себя чувствовали или когда начинали болеть. Я видел, на что они способны. Вскоре отец стал спрашивать мое мнение, прежде чем купить новую лошадь. – Он ухмыляется. – Я уже не могу сосчитать, сколько раз мама ругалась со мной из-за того, что я снова спал в конюшнях, а не в своей постели.

Я тоже улыбаюсь, не в силах ничего поделать. Перед моим взором предстает Леандр, спящий в сене. Но он не мальчик, а мужчина, которым является сегодня. Мои щеки горят как огонь, и я молюсь, чтобы он не заметил этого при слабом свете.

– Отец хотел разводить только боевых коней. Но я был против.

– Почему? – спрашиваю я.

– Потому что эта война когда-нибудь закончится. И тогда этим гордым, полным сил созданиям придется провести всю жизнь под плугом, ведь они слишком высокие и требовательные, чтобы возить женщин и юнцов, которые никогда не видели войны. – Он хмурится. – По крайней мере, так я думал раньше.

Напряженность его взгляда вызывает у меня приятную дрожь.

– Никто не смеет приближаться к Элоре, – бормочет он. – Даже мальчики на конюшне отказываются заботиться о ней, потому что она лягается и кусается, как только к ней приближается кто-то, кого она не знает. Есть всего несколько парней, которым она доверяет. Фульк, например. Он... ну кто-то вроде моего оруженосца. У тебя большой опыт общения с лошадьми?

Я качаю головой.

– У меня был только Акандо. После того, как его забрали у меня, я больше никогда не ездила верхом. Пока мы не отправились в Огненные земли, потому что я не выдержала бы всю дорогу сидеть запертой в карете. От качки меня тошнит. Почему Элоре трудно с чужими? У нее был плохой опыт?

Мое сердце замирает при виде его озорной усмешки.

– Совсем наоборот! Элора была первым жеребенком, появившимся на свет на нашем дворе. К сожалению, при этом умерла ее мать. Поэтому я выкормил ее из бутылочки.

– Ты?

– Конечно! Я проводил с ней дни и ночи, согревая ее и делая все возможное, чтобы она тоже не умерла.

Как будто зная, что сейчас мы говорим о ней, Элора подходит к нам и прижимается к голове Леандра мягкими ноздрями. Он выпрямляется и гладит ее по лбу. Искренняя и любящая улыбка, которую он дарит ей, вызывает покалывание в моем животе.

Женщина, которой когда-то он улыбнется так же, должна быть самой счастливой во вселенной. Возможно, в его жизни уже есть девушка, которой он так ласково улыбается. Я практически ничего о нем не знаю, только точно составленные отчеты о его подвигах на войне и то, что он мне рассказал о своем детстве. Хотела бы я знать о нем больше. Что ему нравится, а что нет. Какие у него мечты. И есть ли рядом с ним женщина.

Когда Элора устает от ласк, она рысью возвращается к тому месту, где паслась до этого.

– Сначала другие оруженосцы смеялись надо мной, когда я с Элорой пришел ко двору старого короля, чтобы стать рыцарем, – говорит он, не спуская глаз со своей кобылы. – У всех них были закаленные в сражениях боевые кони. А я пришел со сравнительно маленькой Элорой. Но они быстро поняли, что размер не всегда имеет значение.

– Что ты сделал, чтобы убедить остальных?

Он пожимает плечами и смотрит на меня.

– Мне не пришлось многого делать. Мы с Элорой с юных лет были хорошо слаженной командой. Даже тогда она слепо доверяла мне. Некоторые боевые кони были плохо обучены, я это заметил сразу. Они боялись громких звуков и резких движений.

Я хмурюсь.

– Это, конечно, проблема в реальном бою...

– Конечно. Лошади остальных оруженосцев вздрагивали и пугались даже самого тихого лязга оружия. Не то что Элора. Она даже как-то перепрыгнула со мной верхом через горящие ветки, настолько она мне доверяет. Никто не сравнился со мной в этом испытании, – Леандр шумно выдыхает. – И теперь большинство из тех, кто смеялся надо мной, подчиняются мне. Их умение выбирать коней не улучшилось и по сей день. Они видят рост и силу, но забывают, что это бесполезно, если конь понесет, почуяв запах крови.

– Если ты так хорошо их знаешь, почему не продолжаешь разводить лошадей со своим отцом? Уверена, что выведенные вами кони также будут пользоваться большим спросом среди рыцарей.

Он тут же замыкается и отводит взгляд.

– Это невозможно.

Я замираю.

– Потому что ты... сейчас на службе у Короля Огня и командуешь его конницей?

– Совершенно верно, – отвечает Леандр, но его голос звучит сдавленно. – Мы должны спать. Завтра поедем обратно, и я отвезу тебя в Браннвин. Это самый большой город в округе, и оттуда ты сможешь связаться со своей семьей. Твои родители будут счастливы, что с тобой все в порядке, и заберут тебя.

Я подтягиваю ноги еще ближе к телу. Ни слова, что ему будет не хватать моих дерзких замечаний и хороших идей. Что он будет скучать по мне. Я не должна возражать, в конце концов, я его не знаю, но от этого все же больно.

Я уже должна привыкнуть, что все, кого подпускаю немного ближе, отвергают меня...

– Я не хочу возвращаться, – шепчу я больше себе, но Леандр меня услышал.

– Почему?

Я медлю с ответом, потому что не знаю, как выразить свои чувства словами.

– Мои родители будут горевать, когда узнают о моей предполагаемой смерти. Им будет плохо, по крайней мере вначале. Но это пройдет, и в какой-то момент они меня забудут. Поверь, им это не составит труда. Нападение, каким бы ужасным оно ни было, – это шанс, который мне никогда больше не представится.

– Я... не понимаю.

– Я тоже этого не понимаю, – соглашаюсь я, – но знаю, что не вернусь к своей прежней жизни. Только если разрушив ее. – Я встречаюсь с ним взглядом и позволяю себе погрузиться в его глаза на мгновение. – Я спрашивала тебя раньше, всегда ли ты хотел служить Королю Огня, и ты сказал нет. Если бы у тебя была возможность начать все сначала, ты бы сделал все так же? Если бы не ограничения, которые удерживают тебя? Если бы ты свободно мог выбирать? Что бы ты сделал?

Он молчит, пока его взгляд бродит, ни на чем не задерживаясь.

– Я горжусь тем, что я рыцарь короля. У меня хорошо получается то, что я делаю. – Между его бровями пролегает глубокая складка. – Но...

– ...это не то, что ты хочешь, – заканчиваю я за него. – Ты делаешь это, потому что у тебя хорошо получается и это лучшая альтернатива. Но у меня нет альтернативы. Моя жизнь была четко спланирована, и я не имела права голоса. Я была заперта в клетке и не могла покинуть замок, потому что мне всегда приходилось оставаться с принцессой. Я была заперта, как и она. Но в одно мгновение дверь клетки открылась. Теперь мне остается только решить, хочу ли я бежать и предстать перед неизведанным или остаться и принять старое.

– И... что ты собираешься делать? – спрашивает Леандр.

Я выдыхаю.

– Если бы я знала! Хочу начать все сначала, но нет ничего, в чем я особенно хороша. Трудно оставить свою привычную безопасность, когда тебе нечего предложить миру.

– У тебя неплохо получается с Элорой, – вмешивается он. – Если ты смогла поладить с ней, ты справишься и с другими, менее требовательными лошадьми.

– Я женщина, – замечаю я. – Есть причина, по которой людей этой профессии называют «конюхами» или «грумами». Женщин не нанимают для работы в конюшнях или поместьях.

Леандр пожимает плечами и прислоняется к дереву.

– До города около двух дней пути. Три, если мы сделаем небольшой крюк, а ты не слишком торопишься.

– Я никуда не тороплюсь, – бормочу я.

– Достаточно времени, чтобы ты могла что-то придумать, – озорная усмешка наконец возвращается на его губы. – Если ты серьезно, мы найдем решение, как тебе начать все сначала.

«Мы.» Мне нравится звук этого слова, когда оно срывается с его губ.

Глава 8

Давина

На следующее утро Леандр настаивает, чтобы снова обыскать местность. Но, как он и опасался, дождь смыл все следы. Я ясно вижу, как его раздражает, что он ничего не добился. Но он знает, что было бы самоубийством вторгаться в земли врагов в одиночку – даже если бы он не взял с собой меня. Леандр, возможно, участвовал во многих боях, имеет большой опыт и любит переоценивать себя, но он не дурак.

Когда он садится позади меня в седло, я чувствую слабость в животе. Вчера вечером я рассказала ему гораздо больше, чем следовало. Я допустила, что он стал мне ближе. Если я подпускаю других слишком близко, это никогда не заканчивается хорошо. Вчерашний день должен остаться исключением!

Но я не могу отрицать, что мне нравится с ним разговаривать. Не могу вспомнить, когда в последний раз я что-то говорила, не взвешивая каждое слово. И, казалось, он понял меня, покинув свой мрачный панцирь.

Вчера я почувствовала связь с Леандром так, что не могу описать, но теперь, когда солнце мелькнуло между ветвями, она исчезла.

Я стараюсь, чтобы наши разговоры звучали безобидно, и обдумываю каждое слово, как я привыкла, чтобы ничего больше не раскрыть о себе. Похоже, Леандр делает то же самое. Большую часть времени мы молчим и погружены в собственные мысли, но сегодня это приятное молчание. Только тепло, ощущение его твердого тела и равномерное покачивание Элоры успокаивают мои напряженные нервы.

То, что я сказала вчера, не было простой идеей. На протяжении нескольких лет я продолжала размышлять, как могла бы сложиться моя жизнь, если бы я взбунтовалась. Но у меня никогда не было возможности открыть дверь клетки. Теперь она распахнута – неожиданно и маняще. Но я не решаюсь выйти. Не знаю, какая жизнь меня ждет по ту сторону. Такая же, как сейчас? Более ужасная? Не думаю, что у меня хватит смелости пройти через это.

За последние несколько лет я разучилась быть храброй. И не знаю, смогу ли когда-нибудь вернуть себе эту способность.

* * *

Когда вечером мы можем передохнуть и развести наконец большой костер, потому что мы оставили границу Земного королевства далеко позади, Леандр ловит кролика. Меня чуть не выворачивает, когда он снимает с него кожу и умело потрошит. Я твердо намерена не прикасаться к нему.

– Ты еще бледнее, чем обычно, – усмехается Леандр, копаясь в несъедобных потрохах.

Судорожно задохнувшись, я проглатываю желудочную кислоту.

– Я никогда не видела, как животных... забивают.

Леандр удивленно поднимает брови.

– Но ведь ты ела раньше мясо?

– Естественно. Но я к нему, – я показываю на кролика, который висит вверх ногами на невысокой ветке, – не притронусь.

Леандр озорно ухмыляется, что мгновенно успокаивает мой взбунтовавшийся желудок.

– Это мы еще посмотрим.

Пока кролик истекает кровью, он собирает рядом с нашим маленьким лагерем травы, которых я никогда раньше не видела. Затем кладет на огонь несколько плоских камней, и,

когда они раскаляются, натирает кролика травами и кладет на них. Сразу возникает чудесный аромат свежееобжаренных пряностей и щекочет мой нос. Мой желудок издает оглушительное урчание, что вызывает у Леандра понимающий смех.

– Если бы у меня было немного вина и пара гарниров, я бы устроил настоящий пир, – говорит он, присаживаясь на корточки перед костром и переворачивая кролика.

– Ты... умеешь готовить? Я имею в виду, кроме того, что ты можешь жарить мясо. Готовить?

Он смотрит на меня. Около левого уголка рта появляется ямочка.

– Ты была бы впечатлена, если бы я ответил да?

– Наверное, – признаю я.

Ухмыляясь, он возвращается к готовке.

– Тогда мой ответ – да. Также я умею шить. Не то чтобы очень хорошо, но могу зашить мелкие прорехи на моих рубахах без посторонней помощи. По-моему, это считается.

Теперь я тоже не могу удержаться от улыбки.

– Есть ли что-то, чего ты не умеешь?

– Боюсь, что у меня проблемы со скромностью, – отзывается он. – Что насчет тебя? Какие-нибудь тайные таланты, помимо верховой езды, о которых ты мне еще ничего не рассказывала?

Я подтягиваю ноги к груди и обхватываю их руками, чтобы положить подбородок на колени.

– Боюсь, что нет. Я не умею ни готовить, ни шить. Да и вообще довольно неуклюжая, когда приходится что-то делать руками.

Леандр хмурится.

– Это, безусловно, препятствие для твоей работы камеристкой.

Я заставляю себя улыбнуться, когда он затрагивает мою прежнюю жизнь.

– Да... К счастью, для этого были другие служанки. Но это одна из причин, по которой я мечтаю начать все сначала. В конце концов, должно быть что-то, в чем окажется хорош кто-то вроде меня. До сих пор, – я вздыхаю, – я не нашла этого чего-то. Возможно, было бы лучше, если бы я вернулась и продолжила с того места, где остановилась.

– Мы найдем то, в чем ты хороша, – говорит Леандр.

Хотела бы я иметь хотя бы половину его уверенности... Он настолько талантлив и опытен, что я чувствую себя ничтожной рядом с ним. Если я буду сравнивать себя с ним, никогда не почувствую себя достаточно смелой, чтобы вырваться из своей клетки.

– Что ты будешь делать после того, как отвезешь меня в город? – спрашиваю я, чтобы не продолжать себя мучить.

– Я нахожусь на службе у короля, – напоминает он, но его лицо вновь кажется закрытым. Озорную ухмылку словно стерли. – Мне нужно вернуться ко двору и спланировать следующую атаку. – Его взгляд ищет мой. – Как видишь, мы оба не можем выбраться из своей роли. Ты не хочешь возвращаться во Фриску, но не знаешь, что хочешь делать. Я сражался в стольких битвах и не хочу ничего сильнее, чем отойти от бесконечных сражений.

– Почему ты этого не делаешь?

Он пожимает плечами и снова переворачивает кролика.

– Когда-нибудь сделаю. Когда найду подходящую женщину и захочу остепениться. Некоторые из моих товарищей берут с собой на фронт жен и даже детей. – Он морщится. – Я бы так не смог. Независимо от того, насколько я уверен в своих навыках, это опасное место.

Я знаю, что не должна задавать следующий вопрос, но он срывается с моих губ прежде, чем я успеваю остановиться.

– Ты один из самых близких доверенных лиц короля и, безусловно, являешься хорошей партией. Разве нет знатной дамы, с которой ты помолвлен?

Леандр фыркает.

– Да хранят меня боги от этого! Когда мне придется жениться на одной из этих кудахчущих гусынь, которые не могут говорить ни о чем, кроме одежды и последней моды, я брошусь на собственный меч.

Я ошарашенно моргаю.

– Тогда... ты никогда раньше не интересовался женщинами?

Снова его взгляд устремляется на меня, только на этот раз мне трудно уклониться от него.

– Я этого не говорил. Только мой выбор никогда бы не пал на дворянку.

– Почему? – спрашиваю я, и мой голос опасно дрожит. Его напряженный взгляд пронизывает меня, так что я едва могу сосредоточиться на разговоре.

– Потому что они все одинаковы. Поверхностные, тщеславные и чуждые реальности.

– Возможно, ты просто знакомился не с теми знатными дамами, – бросаю я.

Леандр качает головой.

– Сомневаюсь. Король Эсмонд устраивает при дворе один шумный пир за другим после каждой победы, и мне приходилось танцевать со многими княгинями, потому что он требовал этого.

Я слегка наклоняюсь вперед.

– Значит, также ты умеешь танцевать?

– Только если это необходимо, – отвечает он с озорной ухмылкой, заставляя мое сердце биться странными скачками.

Я чувствую, как на моих губах расплзается улыбка.

– Вероятно, список вещей, которые ты не умеешь, короче, и мы сэкономим кучу времени, просто перечислив их. Итак, что ты не умеешь делать?

– Прежде чем я совершу многочисленные ошибки, я бы предпочел, чтобы ты попробовала это.

Он выдергивает со спинки животного немного прожаренного мяса и протягивает мне. На самом деле я не хотела есть даже кусочек бедного животного, которое мне пришлось видеть истекающим кровью, но мой желудок придерживается другого мнения. От мяса соблазнительно пахнет. За последние несколько дней я съела всего несколько ягод, и этот кролик лучше, чем любой пир. Нерешительно я тянусь за предложенным кусочком, но Леандр отводит руку назад. Когда я опускаю ладонь, он снова подносит мясо ко мне и выжидательно поднимает бровь.

Когда я понимаю, чего он от меня требует, я напряженно сглатываю. Мой взгляд мечется от куска мяса в его блестящих от сока пальцах к его взгляду, пока я тщетно пытаюсь справиться с противоречивыми чувствами.

В конце концов голод побеждает разум. Медленно наклоняюсь вперед, пока не становлюсь на колени в траве и открываю рот. Осторожно беру мясо губами, стараясь не касаться пальцев Леандра. С каждым, даже самым незначительным движением я ощущаю его взгляд, который, кажется, горит внутри меня, так что едва могу сконцентрироваться.

– Вкусно? – спрашивает он.

Я заставляю себя кивнуть, хотя понятия не имею, потому что больше сосредоточена на нем, чем на еде. Но мой желудок громко требует еще одну порцию.

Усмехнувшись, Леандр выдирает со спинки еще кусок и протягивает мне.

– Ты съешь меня, если я не накормлю тебя достаточно быстро?

Я бросаю на него ядовитый взгляд.

– Тебе вовсе не нужно меня кормить! Я очень хорошо могу и сама это сделать.

Он приглашающе помахивает куском мяса.

– Ты, конечно, можешь. Но было бы не так весело. Кроме того, доверие собаки можно завоевать через еду, да?

– Ты сейчас сравниваешь меня с собакой? – ошеломленно переспрашиваю я. Он снова смеется, и мое возмущение немного рассеивается. Мне нравится звук его смеха – искреннего, светлого и ясного.

– Эй, я люблю собак! Кстати, речь шла о доверии. Если тебе больше по душе другой вид животных...

Я закатываю глаза.

– Просто забудь об этом.

На этот раз я не пытаюсь избежать прикосновения к его пальцам. Больше всего я хотела бы укусить его, как собака, с которой он меня сравнивает. Когда задеваю зубами кончик его пальца, он мгновенно отдергивает руку.

– Не кусай руку, которая тебя кормит! – предупреждает он, но усмехается.

Когда он улыбается так, как сейчас, я забываю, кто передо мной: герой войны и ближайшее доверенное лицо Короля Огня. Идиот, который стоил мне больше нервов в последние дни, несмотря на то хорошее, что сделал. Теперь он просто мужчина, который очаровывает меня так, что я с трудом могу выразить словами. Теперь его не окружает стена отторжения и немой ярости, которую я ощущала чаще, чем это было необходимо.

Когда я замечаю, что снова тарашусь на него, мои щеки начинают гореть, и я быстро опускаю взгляд. Я подхожу ближе и сама отщипываю от кролика несколько кусочков мяса. Я тут же обжигаю себе пальцы.

– Видишь? – говорит Леандр. – Я беспокоился только о твоём благополучии. – Он хватается за руку и рассматривает слегка покрасневшие подушечки пальцев. – Я подумал, что твои руки не привыкли к жару. – Он нежно гладит ноющую кожу, посылая одну вспышку тепла за другой вверх по моей руке. Я задерживаю дыхание. – Теперь тебе больно. А я хотел показать тебе еще несколько хитростей в обращении с кинжалами сегодня вечером.

Быстро пробиваюсь сквозь туман, который навис над моими мыслями.

– Серьезно? Хотя в прошлый раз у меня не очень хорошо получалось?

Взгляд Леандра медленно поднимается. Я отчетливо ощущаю каждый дюйм кожи, которого он касается по пути.

– Все это вопрос практики.

Я хмурюсь.

– И почему ты хочешь потренироваться со мной?

Он снова поворачивается к кролику и отщипывает несколько кусков мяса, чтобы положить их на горячий камень рядом со скелетом.

– Ты была права в том, что сказала.

– Я... много что сказала, – подмечаю я. – Что именно ты имеешь в виду?

– Что это не защита, если ты безоружна, – отвечает он.

– Не думаю, что у меня был бы шанс сразиться с земельцами, будь то кинжалом или другим оружием.

Леандр кивает.

– Вероятно, нет. Но я по опыту знаю, что всегда лучше чувствовать, когда ты можешь хотя бы защитить себя, а не беспомощно ждать конца...

При его словах у меня становится тесно в груди. Однако прежде чем я успеваю расспросить его поподробнее, он качает головой, будто отгоняя неприятные воспоминания.

Когда он снова смотрит на меня, то говорит:

– Это предложение. Если не хочешь, я не буду с тобой тренироваться. Я просто подумал, что это может помочь тебе – каким бы ни был твой дальнейший путь.

Я протягиваю ладонь и кладу на его руку.

– Для меня было бы честью научиться чему-то у такого признанного рыцаря, как ты.

Он одаривает меня легкой улыбкой, от которой стеснение в груди улетучивается.

- Но не жди, что я покажу.
- Я ухмыляюсь.
- Мне такое даже во сне не пришло бы в голову!

* * *

После того как мы вместе съели кролика, который оказался очень вкусным, Леандр отводит меня от костра. Свет от пламени едва доходит до места, где мы остановились, но на маленькой полянке достаточно пространства для наших упражнений. Скорее всего, он тренируется со мной, чтобы отвлечься и перестать думать, что ему не удалось найти принцессу. Он делает это не для меня. Я только... игрушка, от которой он скоро избавится.

Да, именно так я должна смотреть на это и перестать мечтать о том, чего нет. Но как только он оказывается рядом, у меня начинает бурлить кровь.

Леандр вкладывает мне в руку кинжал.

– У тебя нет сил бросать его на большие расстояния. Вот почему я собираюсь показать тебе сегодня, как использовать его в рукопашном бою.

– Я думала, что сражаться кинжалом вблизи – плохая идея, – бросаю я.

– Это так. Но все же это лучше, чем стоять вообще без оружия. – Он нежно сжимает мое запястье и направляет мою руку за спину. – Маленькое оружие, такое как кинжал, легче спрятать, чем меч или лук. Ты можешь скрыть его в складках платья – если тебе когда-нибудь понадобится надеть его снова.

Делая этот комментарий, он смотрит на меня с усмешкой, от которой по моим щекам растекается жар. Вот оно – ямочка рядом с левым уголком его рта, которая, как и раньше, привлекает мое внимание.

Тем не менее я спрашиваю:

– У тебя какие-то проблемы с моей одеждой?

В его глазах мелькает озорной блеск.

– Разве я это сказал? Просто невозможно спрятать кинжал в таких штанах, не выдав его. Для этого... места не хватит.

Когда его взгляд опускается к моим ногам, блеск исчезает из его глаз. От золотых искорок не остается и следа, только зелень. Внезапно они кажутся мне темнее, чем раньше.

Я откашливаюсь, после чего он несколько раз моргает и смотрит мне в лицо со слегка озадаченным выражением.

– Мы говорили о рукопашном бое с кинжалами, – помогаю я ему.

– Да, ну... – внезапно в его голосе звучит хрипотца. Мне нравится это почти так же сильно, как и его смех. – Как я уже говорил, тебе нужно подойти очень близко к своему противнику, если хочешь ударить его кинжалом. Поскольку ты можешь спрятать от него сравнительно небольшое оружие, то убеждаешь его в безопасности. А потом, когда он меньше всего ожидает, – он вытягивает мою руку вперед, – бьешь.

– И... куда?

Он хмурится и отпускает меня.

– Ты права. Я, вероятно, должен сначала научить тебя основам, прежде чем мы перейдем к практическим упражнениям. Брось кинжал в траву.

Я подчиняюсь. Леандр стоит передо мной на расстоянии вытянутой руки.

– С коротким лезвием, как у кинжала, ты должна целенаправленно поражать точки, чтобы обезвредить противника. В зависимости от того, куда ты целишься, тебе нужно обратить внимание, что окружает точку. – Он берет мою руку и кладет себе на грудь. Кончиками пальцев чувствую, как сильно и быстро бьется его сердце. – Сердце – хорошая цель, чтобы мгновенно сбить противника с ног. Но, – он берет меня за пальцы и осторожно прижимает их

к себе, пока я не ощущаю выпуклости его ребер, – оно хорошо защищено. Если ты попадешь в кость, может случиться так, что лезвие соскользнет.

«Сосредоточься, Давина, – напоминаю я себе. – Думай о деле!»

– Итак... разве я не должна целиться в сердце? – хриплю я. Святая Логина, почему мой голос такой высокий?

Леандр качает головой.

– Будучи новичком, нет. – Он опускает мою руку ниже, чтобы я могла почувствовать каждое поднятие его ребер. – Требуется много практики, чтобы точно попасть в промежуток между ними и по-настоящему ранить противника.

Когда я с некоторым опозданием киваю, он направляет мою руку к своей грудной кости.

– У тебя будут проблемы с лобовой атакой. Но, – он снова направляет мою руку ниже, – здесь нет естественной защиты. Хотя удар кинжалом в живот не мгновенно, как удар в сердце, приводит к смерти, он причиняет огромную боль и дает тебе время для поиска новой цели или бегства.

Я едва удерживаюсь, чтобы не прокомментировать это.

Только когда он кладет свободную руку мне под подбородок и слегка приподнимает мою голову, я замечаю, что слишком долго пялилась на его грудь и живот.

– Хочешь, я покажу тебе еще больше точек? – шепчет он таким голосом, от которого я задыхаюсь и мои мысли уносятся куда-то далеко.

Но я заставляю себя вернуться в настоящий момент. Кто знает, снизойдет ли он еще раз до того, чтобы показать мне, как обращаться с оружием. Настроение Леандра в последние дни менялось так быстро, что иногда я не успевала за ним. Так что теперь должна взять то, что он мне предлагает, и, черт возьми, сконцентрироваться!

Поскольку я не доверяю своему голосу, то просто киваю. Леандр поворачивается ко мне спиной, выправляет рубашку из штанов.

– Здесь тоже нет ребер или других костей. Колющий удар в почку не то чтобы смертелен, но чертовски болезнен.

Нерешительно я протягиваю руку и кончиками пальцев касаюсь полоски кожи прямо над поясом его брюк. Леандр напрягается под прикосновением и шумно втягивает ртом воздух, но не отшатывается.

Его голос внезапно звучит сдавленно, когда он говорит:

– И даже если ты не попадешь по ним, у тебя есть хорошие шансы... поразить другие органы.

– Но что, если этого недостаточно, чтобы вывести противника из боя на короткое время? – тихо спрашиваю я. – Если я... должна убедиться, что от него больше не исходит опасности?

Неохотно я отдергиваю руку, когда Леандр снова поворачивается ко мне и заправляет рубашку обратно в брюки.

Он выпячивает подбородок.

– Ты также можешь нацелиться в шею, лучше всего ударом, направленным вверх.

Леандр кладет руки мне на шею и слегка наклоняется, в то время как я встаю на цыпочки. Внезапно я оказываюсь так близко к нему, что, несмотря на свои намерения, забываю обо всем, что меня окружает. Тот факт, что он учит меня, как ранить или даже убить кого-то, не в счет. Все, что я сейчас воспринимаю, – его лицо, которое находится всего в нескольких дюймах от моего, и его теплое дыхание, которое касается моей кожи.

Он был так близко ко мне множество раз, в конце концов, днем он едет позади меня, но оказаться к нему так близко лицом к лицу – это что-то совершенно другое. Я так и не смогла понять цвет его глаз. Но и сейчас у меня ничего не выходит, я все еще не уверена, преобладает

ли зеленый или карий с золотистыми крапинками. Тем не менее я поймана в ловушку его взглядом, настолько глубоким и непостижимым, что мне хочется только погрузиться в него.

– Шея, – хрипло шепчет он, в то время как его глаза снова темнеют, – сравнительно небольшая цель, и сзади, – он усиливает давление на мои пальцы, так что я могу чувствовать отдельные суставы, – очень хорошо защищена. Кроме того, если ты попадешь в горло, будет хаос.

– Итак, – я напряженно сглатываю, заставляя себя не отводить взгляда от его глаз, – ты бы не посоветовал мне использовать шею в качестве мишени?

– Если у тебя есть выбор, нет, – бормочет он. – Но во время реального боя у тебя есть всего несколько секунд, чтобы прикинуть, куда ты будешь атаковать. Прежде чем впасть в шок и вообще ничего не делать, нацеливайся туда, где ты сможешь нанести наибольший урон. И пусть это будет лишь поверхностная рана. Каждый недостаток твоего противника – твое преимущество. – Он наклоняется ко мне ближе. – Конечно, больше всего я хотел бы, чтобы ты не попадала в ситуацию, когда тебе нужно будет защищать себя.

– Это... – «Не смотри на его губы!» —...я бы тоже хотела этого избежать. Но раз уж я одна...

Внезапно он кладет мне руку на щеку. Я едва могу подавить вздох.

– Ты могла бы найти работу при здешнем королевском дворе, если ты точно не хочешь возвращаться во Фриску.

Я должна сначала вспомнить, как говорить.

– Это не та жизнь, которую я хочу вести. Если в какой-то момент я найду в себе смелость сбежать из своей старой жизни, захочу встать на совершенно новый путь.

Он смотрит на меня слегка сузившимися глазами, будто ему нужно тщательно обдумать мои слова. Хотела бы я знать, что происходит у него в голове, когда он наблюдает за мной.

– Я восхищаюсь твоей решимостью, – признается он некоторое время спустя. – Хотелось бы, чтобы я тоже мог решиться изменить свою жизнь.

Вопросительно наклонив голову, я прижимаюсь лицом к его руке. Не могу сказать почему, но мне это нравится.

– Я думала, ты любишь быть рыцарем.

Взгляд Леандра неуверенно блуждает, будто он должен тщательно обдумать свои слова.

– Я обожаю своего короля и люблю свою страну. Меня наполняет гордость, когда я сражаюсь за тех, кто не может защитить себя. Я взвалил на себя эту миссию, потому что у меня не было другой перспективы. Но... в последние несколько лет я все больше и больше осознаю, что теряю собственную жизнь из-за этого. Я воюю за короля, страну и беззащитных. Но не воюю за самого себя. Если война когда-нибудь закончится, возможно, я буду уже стариком, который пропустил все, что должен был испытать. Я буду лишен своей единственной цели существования и совершенно одинок. И тогда уже не буду знать, что делать со своей жалкой оставшейся жизнью.

Не задумываясь, я позволяю своим рукам соскользнуть с его шеи и обхватить его лицо. Как и раньше, я точно не знаю, что происходит внутри него. Он кажется таким грустным, таким потерянным, что я чувствую его одиночество, будто оно мое собственное. Возможно, мы настолько похожи, и поэтому я знаю наверняка, что он сейчас чувствует. Я понимаю, каково это – быть одной и постоянно слышать, как это хорошо. Несомненно, многие солдаты, оруженосцы и другие рыцари восхищаются Леандром. Они видят одного из самых близких доверенных лиц короля и одаренного мечника, воина, одерживающего одну победу за другой.

Но они слепы, чтобы разглядеть человека, который скрывается за этой репутацией и способностями.

Почему Леандр дал мне возможность увидеть, кем является на самом деле, остается для меня загадкой. Может, потому, что здесь больше никого нет. Но вероятно... он тоже чувствует эту глубокую связь между нами и я не придумываю что-то.

Я собираю все свое мужество, внутренне готовясь к резкому отпору, который неизбежно последует, и провожу большим пальцем по его щеке. Совсем быстро, но этого достаточно, и он с подавленным вздохом закрывает глаза. Мое сердце колотится как сумасшедшее, но я не нахожу смелости, чтобы снова погладить его.

Вместо того чтобы оттолкнуть меня, Леандр кладет свободную руку мне на поясницу и притягивает ближе, так что моя грудь касается его с каждым беспокойным вздохом. Но кроме этого мимолетного касания, мы дальше друг от друга, чем мне хотелось бы.

– Я почти забыл, каково это, – шепчет он, и я не понимаю, что он имеет в виду. Но я не спрашиваю у него ничего и не шевелю ни единым мускулом. – Все в порядке? Если ты не возражаешь, я хотел бы постоять так некоторое время.

– Все в порядке, – шепчу я в ответ, боясь, что одно громкое слово может заставить его вернуться к своему мрачному «я».

Нерешительно снова поглаживаю его по щеке. На этот раз он хмурится – не задумчиво, а будто от боли. Мое сердце сжимается от этого, а после возвращается к быстрому темпу. Я бы хотела прижать его к себе, но не решаюсь. Между нами есть четкая черта; он дал мне это понять, когда притянул к себе. Если я перейду эту черту, он снова закроется и, возможно, никогда больше не позволит мне подойти так близко.

Его руки, теплые и нежные, лежат на моей щеке и спине, но он замер как истукан. Я не знаю, радоваться этому или расстраиваться. В любом случае мои чувства сейчас не имеют никакого значения.

Когда он снова открывает глаза и я почти тону в игре цветов: коричневого, зеленого и золотого, – становится хуже. Желание быть ближе, чем позволяет проведенная им граница, почти лишает меня рассудка. Я хочу прижаться к нему и дать ему опору, в которой он, похоже, нуждается. Я чувствую ее – тоску, которая исходит от него и которая сбивает его с толку так же сильно, как и меня. Но в отличие от меня он, кажется, все контролирует.

Осторожно, словно чтобы не напугать меня, он тянется и проводит пальцами правой руки по моему уху. Его взгляд, зачарованно мерцая, следит за каждым движением, пока одна за другой меня накрывает волна приятной дрожи, и я собираюсь отбросить опасения, что все же пересеку воображаемую границу. Чтобы что-то делать – не знаю что, но мне кажется неправильным игнорировать свои чувства.

Когда его пальцы наконец достигают кончика уха, на его губах расплывается улыбка, которая волнует мое сердце. Но она исчезает так же быстро, как и появилась.

Когда он выпрямляется и хмурится, я понимаю, что время, когда он позволил мне заглянуть за фасад гордого рыцаря, прошло. Резко отдергивает руки и делает шаг назад – подальше от меня. Места на моей коже, которых он только что касался, тут же замерзают.

– Извини, – бормочет он.

Я опускаю руки, которые только что обхватывали его лицо, а теперь бессмысленно повисли в воздухе.

– Не за что извиняться.

В нерешительности мы стоим так мгновение, судорожно подыскивая подходящие слова, но не находим их. Мое сердце еще не поняло, что момент миновал, потому что оно все еще бьется быстро и взволнованно. Бурление крови в моих жилах не хочет проходить и почти сводит меня с ума.

– Мы должны тренироваться, пока для этого достаточно света, – наконец говорит Леандр.

Я киваю, потому что ничего другого не остается. О том, что он хотел показать, как защищаться с помощью кинжала, я уже почти забыла. И у меня больше нет желания тренироваться после того, что только что произошло. Хоть ничего и не было.

Он протягивает мне один из кинжалов, и, чувствуя знакомую холодную тяжесть в руке, я неохотно стряхиваю воспоминание о близости Леандра, чтобы лучше сосредоточиться.

Однако когда он подходит ко мне вплотную, чтобы поправить мою позу, концентрация мгновенно улетучивается. Я задерживаю дыхание, когда он проталкивает ногу между моими, чтобы, слегка надавив, раздвинуть их сильнее.

– С более широкой стойкой ты не так быстро теряешь равновесие, – бормочет он мне в ухо, что не помогает держать равновесие.

Ударив меня по пятке, он дает понять, что я должна выставить правую ногу немного вперед. Он стоит так близко позади меня, что его грудь прижимается к моей спине. Он поднимает мою руку, которой я сжимаю кинжал так, будто от этого зависит моя проклятая жизнь.

– Стой именно так, – дает он следующее указание.

Я почти издаю протестующий звук, когда он отходит в сторону. Вместо того чтобы снова позволить мне тренироваться в одиночестве, он встает передо мной.

– Теперь попробуй напасть на меня.

В недоумении я распахиваю глаза.

– Что?

– Ты должна напасть на меня.

Он, наверное, несерьезно?!

– Но... я могу причинить тебе боль...

Он смотрит на меня с надменной усмешкой.

– Ты можешь попробовать.

Для меня загадка, как ему в голову пришла мысль, что он сможет увернуться от меня на небольшом, всего в несколько сантиметров, расстоянии... Я ударю его и причиню боль и...

– Ну, давай! – бормочет он, когда я продолжаю колебаться. – Ты даже не поцарапаешь меня.

Нерешительно и неохотно я выставляю кинжал вперед, но Леандр легко уклоняется от меня.

– Что это было? – ворчит он. – Так ты даже не защитишься от одноногого старика!

Я сжимаю губы и пробую еще раз. И снова мимо, и снова вынуждена выслушивать его насмешки. Будто он предчувствует каждое мое движение еще до того, как я сама решила, куда атаковать. С каждым его саркастическим замечанием желание причинить ему боль становится все сильнее. Улетучивается недавняя интимность. Теперь передо мной снова рыцарь, а не юноша. И этот рыцарь не обращает на меня внимания, но позволяет с каждым новым снисходительным словом, искаженным выражением лица, поднятием бровей чувствовать себя жалкой. Мои атаки становятся более яростными, но я снова и снова промахиваюсь. Иногда чуть-чуть, но чаще довольно сильно. Раздраженная и разочарованная, я гоняюсь за ним по поляне, пока не начинаю задыхаться. С другой стороны, Леандр выглядит так, словно он прогуливается под лучами солнца.

И это расстраивает меня еще больше.

Во время очередной атаки я целюсь ему в шею. Ему же требуется лишь наклонить голову, чтобы избежать удара.

– Что я говорил тебе об атаке в шею? – спрашивает он.

– Слишком... маленькая цель, – задыхаюсь я. – Хаос.

– И почему ты все время пытаешься это сделать?

Хотелось бы, чтобы моего взгляда было достаточно, чтобы превратить его в груды пепла. К сожалению, остается только мечтать об этом.

– Потому что я... надеялась, что это... заставит тебя замолчать.

По его губам расплывается высокомерная улыбка.

– Зачем тебе это нужно?

Я скриплю зубами.

– Серьезно? Может, в следующий раз я должна целиться в твое огромное эго.

Мой резкий ответ, кажется, веселит его еще больше. Я ненавижу, когда кто-то развлекается за мой счет, и от этого чувствую себя ничтожной.

– С эго такое дело, – говорит он.

Без предупреждения он толкает меня назад, так что я прижимаюсь спиной к ближайшему дереву, хватая меня за запястья и нажимает большим пальцем в углубление чуть ниже ладони, пока у меня не остается другого выбора, кроме как выронить кинжал. Все происходит так быстро, что мне даже не приходит в голову мысль начать сопротивляться. В мгновение ока он не только обезоружил меня, но и обездвижил. Он прижимается ко мне, так что у меня не остается возможности ударить его или пнуть.

Не то чтобы я и правда думала об этом. Я чувствую себя как олень, который видит в зарослях мелькание наконечника стрелы и замирает на месте вместо того, чтобы убежать.

– Ты можешь не закрывать рта и иметь огромное эго, – шепчет Леандр, наклоняясь ко мне. Золото в его глазах блестит вызывающе. – Только за этим что-то должно быть. И как ни жаль, что приходится это говорить, но пока у тебя ничего такого нет. Я могу предвидеть твои атаки так же легко, как попытки ребенка.

Я стараюсь вслушиваться в его слова, которые должны бы ранить меня. Но когда он так близко ко мне, я не могу сосредоточиться ни на чем, кроме него, – на тепле, которое он излучает, на его твердом теле, на запахе леса, сена и кожи. Кроме того, я слишком занята попытками понять, какой цвет сейчас преобладает в его глазах. Теплый коричневый, который теперь больше похож на расплавленное золото? Или в нем больше зеленых крапинок, отчего радужка кажется ярче?

– Давина, ты меня слушаешь?

Я не могу выдавить из себя ничего, кроме:

– Хм?

И мне не стыдно.

Леандр раздраженно вздыхает.

– Я тренировал многих новичков, но ты безнадежна.

Я возвращаюсь в настоящий момент, кривлю губы.

– И ты говоришь это после двух раундов тренировки?

Он кивает.

– Я могу узнать талант. Он у тебя явно есть в обращении с лошадьми, но не в бою с кинжалами. Может, это неподходящее для тебя оружие и мы должны попробовать с луком и стрелами. Но, возможно, тебе просто не стоит попадать в опасные ситуации, – его взгляд смягчается. – Или ты должна найти кого-то, кто позаботится о тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.